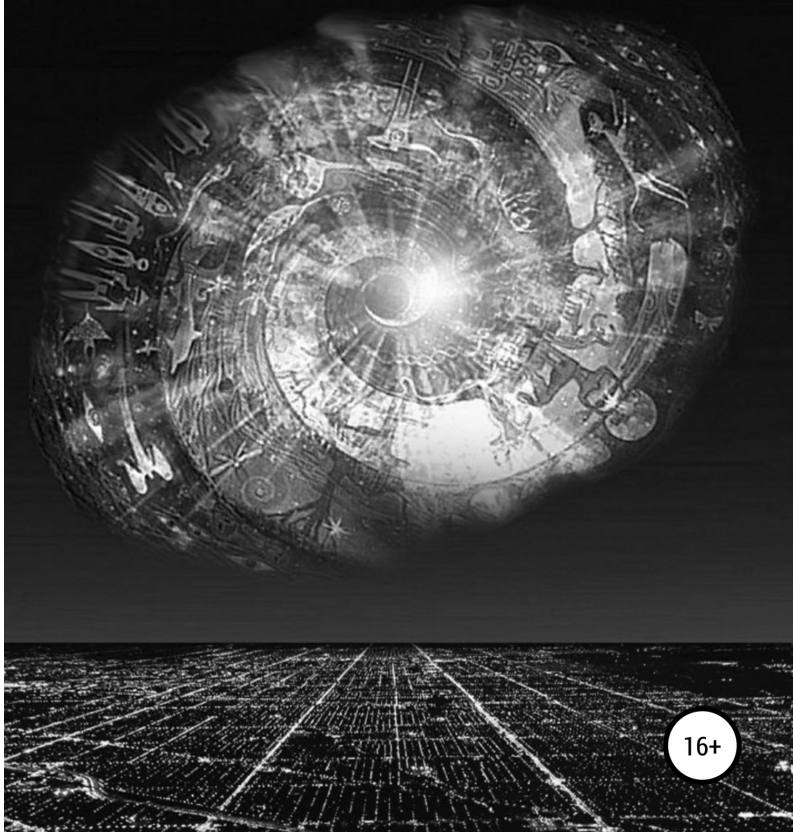

LIZA DALE

SCREENPLAY

Б. НАЙДЕННА

16+

Лиза Даль

Screenplay 6. Найденная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33474361

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0395-5

Аннотация

«Мир снов стал настолько живым, что настоящий казался теперь тусклым и пресным. Поддельным. Возвращаясь в него, я чувствовала такую же тяжесть, какую, должно быть, чувствует кит, выброшенный на берег. Я будто зависла между двух миров, не понимая, какой из них настоящий, и подозревая в нереальности оба. Я думаю, теперь у меня осталось мало надежды на то, чтобы разобраться, в какой из них верить.»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	69
Глава 7	95
Глава 8	101
Глава 9	109
Глава 10	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Глава 1

Ещё один месяц позади, недели, слившиеся в одну, стёршиеся из памяти, никогда не существовавшие, и впереди всё та же необъятная пустыня бессмысленных дней.

Всё чаще я чувствовала приступы мелочного раздражения по отношению к Артёму. Что бы он ни сказал, как бы ни посмотрел и что бы ни сделал, мне всё не нравилось. Я находила себе кучу разных занятий, лишь бы не сидеть в отеле, не попадаться ему на глаза. Боролась со скукой и депрессией единственным доступным мне способом – с головой погружалась в работу.

Чаще, чем это было на самом деле нужно, ездила на рынок за закупками. Отбирала (как им казалось) хлеб у горничных, перестилая кровати, собирая листья на лестнице, развешивая на просушку белье. Нарочно включила в меню незнакомые поварихам блюда, чтобы как можно больше времени проводить в кухне за готовкой. Много гуляла или ездила по городу, выбиралась побродить по заповеднику. Завтракать, обедать и ужинать я предпочитала где угодно, но только не в своём ресторане. Сначала объясняла это тем, что изучаю меню конкурентов, потом тем, что не могу сидеть на одном месте и что мне нужна смена обстановки. Когда Артём просил взять с собой и его, говорила, что мне нужно побыть в одиночестве, что собираюсь почитать книгу или придумыва-

ла другие отговорки.

Отчасти моя раздражительность была обусловлена тем, что и ночью мне не было покоя. Как бы я хотела вернуть то время, когда засыпая, я просто проваливалась в небытие, а наутро вставала со свежими отдохнувшими мозгами! Ну или хотя бы то время, когда, закрывая глаза, я знала, что меня обязательно утянет в какой-то другой мир и будет протаскивать через самые разные истории и обстоятельства. Все эти ночные путешествия по лабиринтам собственного разума выматывали, конечно, страшно, не физически, а психологически, ведь сознание моё даже во сне оставалось при мне и решало разнообразные задачи, но мне это даже нравилось. Во-первых, казалось, что я провожу важную работу по самоисследованию, а во-вторых... Ну это же было дико интересно!

Осознавая себя во сне, я видела вокруг мир, который в вопросах реалистичности ничем не уступал настоящему миру, а иногда и превосходил его. Во сне у меня был полный набор всех чувственных ощущений, я видела, слышала, обоняла и осязала окружающий мир с такой же интенсивностью, а предметы, явления и детали поражали своей реалистичностью. Стоило поймать себя в своём же сне, стоило догадаться о том, где именно я сейчас нахожусь, как начинали происходить разные чудеса. Я могла делать всё, что угодно, не задумываясь о последствиях. Могла сесть в любую машину, по-

знакомиться с любым человеком, могла оказаться в любом городе, и вообще смогла бы, кажется, всё, на что хватило бы смелости и фантазии.

Например, если я проходила мимо ресторана, в котором отмечалась чья-то свадьба, и мне хотелось присоединиться к гостям, то рядом оказывался магазин с вечерними платьями. Я просто заходила в него, мило улыбалась консультанту, и он быстро подбирал мне самое красивое, никаких денег при этом платить не нужно было. Выходила я из примерочной уже не только наряженная в платье, но и с причёской и с макияжем и присоединялась к гостям на свадьбе. Ко мне тут же начинали подходить разные люди, знакомились со мной, предлагали шампанское и закуски, мы разговаривали о чём-то интересном, смеялись, танцевали, в общем, очень неплохо проводили время. И при этом я знала, что сплю.

Но самое удивительное было то, что, проснувшись, я помнила всё до мельчайших деталей – даже то, как, флиртуя с обаятельным незнакомцем, думала, что позже мне будет за это стыдно. Я ведь замужем всё-таки. Даже было немного жалко всех этих людей, все такие весёлые, замечательные, добрые, но когда я проснусь, их не станет. Поразительное ощущение, будоражит до мозга костей. Понимать, что на всём этом празднике единственный, кто по-настоящему живой, это ты сама, одна-одинёшенька среди нарисованных твоим же воображением персонажей. И праздник этот затевался не для невесты и жениха, а для тебя. Ты здесь главное

действующее лицо, хоть и прячешься в тени, маскируешься под никому неизвестную гостью.

К этому трудно привыкнуть. Пугающее ощущение полной свободы и вседозволенности, омрачённое грустью и печалью преходящести. Всё закончится, и каждый человек, с которым ты успела познакомиться и подружиться, уйдёт с восходом солнца. Иногда они возвращались. В другом сне, в других декорациях, в другом сюжете, иногда кричали: «Посмотри, что со мной стало! Зачем ты меня оставила?!» Я пугалась их и уходила заниматься другими делами, глупо же объяснять своей проекции в своём же сне, почему тебе приходится просыпаться. А жаль, что всё так меняется, вот бы сны были статичными, сохранялись, как пройденная игра! Можно было бы, возвращаясь в них, продолжать общаться с понравившимся персонажем, начинать сон с того, на чём он прервался в прошлый раз...

Видимо, эта мысль так въелась мне в мозг, что однажды именно это со мной и произошло. Дело в том, что среди множества разнообразных снов, был и такой, в котором мне не хотелось оказываться. Скорее даже целая вереница снов, объединённых одним смыслом, вплетённая в сеть, разбросанная по коридорам моего извилистого сознания. Я попала в них неожиданно, но, попадая, сразу же вспоминала обстановку и то, чем закончилась предыдущая серия этого inferнального сериала. Почему сериала? Потому что этот

сон как раз был очень статичным, если он обрывался на чём-то, то в следующий раз, попадая в него, я начинала с того же места. И персонажи в нём были одни и те же, и обстановка, и даже моя роль.

Если бы мне предложили как-нибудь назвать этот сериал, я бы сказала: «Допрос с пристрастием». Некий грандиозный спор или суд, и обвиняли в чём-то именно меня. Хотя не было понятно, обвиняли ли меня, допрашивали или склоняли к какому-то выбору. На меня сыпался шквал самых серьёзных вопросов и тезисов, а я пыталась самоидентифицироваться среди всей этой мешанины образов. Всегда старалась занимать «хорошую» сторону, исходя из своих концепций и убеждений о правильности. В результате, как бы я ни билась, получалось так, что я оказывалась перед каким-то очень сложным выбором и, выбирая, каждый раз совершала ошибку, и всё шло кувырком. Передо мной разворачивались последствия моего выбора, и это были кошмарные последствия. И именно это меня изматывало, именно это. Я никак не могла отделаться от своих снов и от этих людей, которые были там и постоянно требовали чего-то, какого-то решения, но я всё не могла дать правильный ответ, и за это меня наказывали. Жестоко наказывали, открывая глаза на то, к чему привёл мой выбор, и от ужаса я каждый раз просыпалась.

Вопрос, который мучил меня по пробуждении, – ну откуда же у меня внутри вся эта галиматья? Целая уйма во-

просов, таких сложных, что мозги просто кипели, и мне всегда хорошо запоминалось кошмарное напряжение, присутствующие в этих снах. Ну откуда же они взялись? Я словно распахнула неосторожно какую-то дверь и теперь никак не могла закрыть её. После очередного такого пробуждения я вскочила на кровати, судорожно оглядываясь и тяжело дыша. Моя кровать, мои картины на стенах и моё бунгало были на месте, значит, на месте и всё остальное. Значит, наяву ничего этого не было, никакой войны, никакого вселенского атомного взрыва...

Нетвёрдо ступая, пошла чистить зубы. Долго рассматривала своё отражение в зеркале, свои тёмные круги под глазами. Что же со мной происходит? Уже целый месяц один и тот же кошмар почти каждую ночь, а вопросов у них не убавляется, а только кажется прибавляется. Надежды на то, что однажды это само по себе закончится так же неожиданно, как и началось, уже почти нет. Это явно прогрессирует. Пора признать, что самой мне с этим не справиться, никак не убрать этот чёртов сериал со своих маршрутов. Я решила поговорить о своём состоянии хоть с кем-нибудь, и этим «кем-нибудь» как обычно был Алан. И как обычно, у него была куча дел, от которых мне, как обычно, нужно было его как-то оторвать.

– Алан, я совершенно не представляю этот отель без тебя, – начала я издалека, получив свой утренний кофе. – Ты

как будто его душа.

– Его душа ты, – подал он голос из-под барной стойки. Меняет пивную кегу.

– Нет, я его владелица, – продолжала я елеинным тоном. – И не знаю, стала бы я ею, если б ты не встретил меня в этом отеле. Показался бы он мне таким же очаровательным?

Алан выпрямился, сложил руки на груди, поднял бровь.

– Я что-то не пойму, ты заигрываешь со мной?

– Уволю.

– Ладно, – прищурился он, – выкладывай, что у тебя.

Выкладывать было трудно. Про волнующие меня проблемы даже думать как-то плохо получалось, а уж говорить о них и подавно. Но я старалась. Изо всех сил подбирала правильные слова и пыталась выглядеть убедительно, в первую очередь в своих же глазах.

– Что скажешь? – спросила я его после того как закончила говорить, двигая к нему опустевшую чашку.

– Ты чего-то боишься, и этот страх преследует тебя в кошмарах, – предположил Алан, немного поразмыслив.

– Да это и так понятно, – махнула я. – Скажи лучше, как мне избавиться от этого страха. Я уже замучилась просыпаться от этих кошмаров, никак не пойму, что от меня нужно этим извергам! Я уже даже засыпать боюсь, знаю, что они снова будут меня терзать.

– Говоришь, они требуют от тебя какого-то правильного ответа, а ты всё никак не можешь дать его?

– Именно! Как бы я ни билась, как бы ни старалась, всегда случается какая-то катастрофа, а следующей ночью всё повторяется вновь. Я так устала!

Алан внимательно выслушал меня и отвернулся к своим размышлениям. Я нетерпеливо ёрзала на стуле, ожидая его умозаключений.

– Ты боишься совершить ошибку и поэтому совершаешь её, – сказал он убеждённо, вновь вернувшись ко мне. – Но, думаю, проблема не в том, что ты постоянно занимаешь не ту сторону, проблема как раз именно в том, что ты соглашаешься занять её.

Я надолго зависла, раздумывая над его словами и почёсывая комариный укус на плече.

– А можно не занимать? – проямлила я совсем жалко.

– Что есть правильное или неправильное? – спросил Алан с оттенком повышенной значительности в голосе. – Правда и ложь всегда боятся одного – истины, которая в одночасье может поменять их местами.

– И что же мне делать?

– Не будь ни правдой, ни ложью, будь истиной. Не будь справа или слева, будь в центре, а ещё лучше вовне.

– Что значит «вовне»? – растерялась я окончательно.

– Будь наблюдателем, а не участником. Не играй роль, а смотри кино. А когда к тебе будут приставать, требовать от тебя какого-то выбора отвечай: «Ребята, я здесь вообще ни при чём, это ваша заварушка, сами и разбирайтесь. Я просто

смотрю сон».

– Думаешь поможет?

– У меня было нечто подобное, страх неправильно поступить, правда не во снах, а в реальности. Доходило до того, что я боялся вообще что-либо делать, начинал просчитывать возможные варианты развития событий. Я-то думал, что я стратег, но потом, когда устал сам от себя, признал, что параноик. Начал искать, как себя от этого вылечить, увлёкся разными духовными учениями, и так пришёл к адвайте. На ней и остановился, потому что она самая жёсткая по отношению к страхам, и это именно то, что мне было нужно. И посмотри на меня сейчас, – он поиграл мышцами и озорно подмигнул, – вполне себе счастлив. Главное, не париться.

– Как это не париться? Совсем?

– Ну... бывает, я замораживаюсь на чём-нибудь, конечно, но ненадолго. И только в качестве развлечения. Наверное, иногда и умиротворение надоедает.

– Ладно, я попробую. Как ты говоришь нужно отвечать? «Разбирайтесь сами, я просто смотрю кино»?

– Что-то вроде этого.

– Надеюсь, поможет.

– Ну, хуже точно не будет, – заверил меня Алан почти весело.

Следующей ночью я так и поступила. А наутро в гневе прибежала к Алану.

– Ну ты мне и насоветовал!

– Что такое? – отпрянул он от меня.

– Я всё сделала, как ты говорил. Сказала им, что просто смотрю кино. Сначала они ничего не понимали, а потом спросили, почему я считаю, что это кино. Тогда я сказала, что просто неправильно выразилась и на самом деле это сон. Они накинулись на меня с вопросами, и пришлось признаться, что это мой сон. Теперь они обвиняют меня в том, что это я придумала такой сон, где все запутались и не знают, как быть, и продолжили требовать от меня правильных решений. И знаешь, сегодня они требовали особенно жёстко, как будто наконец нашли виновника всех их несчастий.

– Хм... интересно. То есть они согласны с тем, что ты режиссёр сна? – спросил Алан с коварством в голосе.

– Кажется, да...

– Ну и отлично. Значит, теперь они должны принять тот факт, что они персонажи.

– Это-то им как раз и не нравится!

– Почему?

– А тебе бы понравилось быть персонажем чего-то сна? Особенно если он не очень-то радужный. Они ведь обвиняют меня в том, что я специально всё так запутала и ввела всех в заблуждение, чтобы они сильнее мучились.

Алан обошёл барную стойку и успокаивающе приобнял меня за плечо.

– Вот как мы поступим. Скажи им, что это специаль-

ный сон, экспериментальный. Режиссёр спланировал его так, чтобы персонажи наконец обнаружили то, что они персонажи, скажи им, что это было просчитано наперёд и для общего блага. Да, ты всё намеренно запутала, но только чтобы посмотреть, что они станут делать, как будут себя проявлять. Скажи им, что теперь, когда всё стало ясно, ты даруешь им самостоятельность. Пусть они сами принимают решения, если хотят считать себя живыми и независимыми. С тобой-то они ничего не могут сделать, не так ли? Это ведь твой сон, и самое плохое, что с тобой в нём может случиться, – ты проснёшься. А ещё можешь пообещать им какой-нибудь бонус. Например, тот, чьи решения ты посчитаешь правильными и рациональными, проснётся вместе с тобой. Окажется в реальном мире.

– Ха-ха, – рассмеялась я невесело. – Я бы на их месте не гналась за таким сомнительным бонусом. Тут-то тоже совсем не сладко.

– Ну так им и объясни. Скажи, что они проекции твоего подсознания во сне и что ты ими думаешь, решаешь, как улучшить реальность, чтобы всем вам потом хорошо в ней жилось. Уж против этого они вряд ли что-то будут иметь, тем более что это правда.

Несмотря на всю кажущуюся абсурдность его слов, я нашла в них замечательный смысл. Да уж, бредовые проблемы требуют бредовых решений.

– А знаешь, похоже, это действительно правда. Охо-хо,

бедные мои проекции, бедная я...

На следующий день у Алана был выходной, и, хотя мы и жили в соседних бунгало, на территории мы не пересеклись. Наверное, он ездил по каким-то своим делам.

За завтраком я мило поболтала с Самнангом, посмотрела фотографии его семьи в его дешёвом смартфоне, попросила привести в гости жену и дочку. Очень уж мне нравились эти милые кхмерские пупсы, любопытные, глазастые. А самым поразительным в них было то, что я никогда не слышала, чтобы они кричали. Совсем маленькие грудные, понятное дело, хныкали и пищали, если хотели есть или у них резались зубы, но дети старше года не капризничали совсем. Это всегда очень меня удивляло.

– Ну как? – спросил Алан, делая мне кофе на следующее утро.

– Это были очень странные две ночи, – сказала я задумчиво.

– И что тебе снилось?

– Даже не знаю, как сказать... Знаешь, у нас в России все эти психологические заморочки называют тараканами в голове.

– Тараканами? Интересно.

– А ещё есть один анекдот, не знаю, поймёшь ли ты, он тоже чисто русский.

– Давай рассказывай!

– В общем, мужика замучили тараканы, и друг ему советует: «Ты купи мелок „Машенька“, и всё хорошо будет». Мужик так и сделал. Через день друг приходит к мужику и спрашивает: «Ну, что, помогло?» – «Не знаю, вон в углу сидят, рисуют!»

Так и у меня. В первую ночь я сказала им всё так, как ты меня научил. Их это, конечно, очень озадачило, но они оставили меня в покое. А во вторую ночь я снова оказалась в этом месте, но не потому, что они, как обычно, насильно меня туда затащили, а потому что сама захотела посмотреть, чем они там занимаются. И знаешь, они действительно рисовали. Перед ними была эта карта, или схема, или что-то ещё, и они наносили на неё какие-то символы. Я спросила, что значат эти символы, и они объяснили, что это просто обозначения, графические изображения тех или иных понятий. Сказали, что собирают воедино всё, что им известно о сложившейся ситуации, хотят учесть все факторы. И самое интересное то, что они не ругались и не грызлись, как обычно, доказывая именно свою точку зрения, а выслушивали всех. Как будто наконец решили работать в команде.

– Как будто нашли общего врага и решили его одолеть! – воскликнул Алан с азартом.

– Какого это общего врага? – насторожилась я. – Меня, что ли?

– Ну а кого же ещё? Конечно, тебя.

– Они что, собрались меня прикончить?

– На всякий случай объясни им, – он заговорщицки понизил голос, – что если до этого дойдёт, то они сгинут вместе с тобой, потому что они всего лишь персонажи твоих снов.

– Что-то я совсем запуталась, но ладно. Главное, что они меня больше не дёргают. И я наконец могу видеть те сны, которые хочу.

Проснувшись этим утром, я кинулась к своему дневнику сновидений, чтобы немедленно записать всё что видела. Впервые за долгое время мне приснился такой сон, который не хотелось забывать. Когда я ушла от этих людей, когда-то изводивших меня, но теперь притихших извергов, я снова оказалась в пустыне, и снова встретила его, и он снова забрал меня в свой удивительный мир.

Вчера полосатая планета была просто невероятно огромной. Видимо, двигаясь по своей эллиптической орбите, спутник, с которого я её наблюдала, подошёл к ней ближе, чем обычно. Помню, как опустилась в колышущуюся и будто живую траву, поражённая тем, что действительно рассуждаю о таких вещах. Даже во сне применяла свои познания в астрономии и известные мне законы космологии, законы движения небесных светил. Даже здесь мой разум не хотел оставить меня в покое, всё взвешивал и анализировал. Да и было ли всё это сном? Разве большое голубое существо, привалившееся к моей ноге, было сном? Или оглушающий грохот

водопада? Или медленно ползущая по земле тень от ближнего спутника?

Я ведь знаю, что такое сон. Нечто мутное, размытое и непонятное, эфемерное, всё время меняющееся. И если это всё же было сном, как могли быть настолько реальными даже самые мелкие детали? Например, я помню, как вытащила из густой голубой шерсти запутавшуюся в ней веточку, а потом оказалось, что это не веточка, а какое-то живое существо. Оказавшись в моих руках, оно развернулось на ладони, растопырило вуальные крылья, построило мне милые рожицы и взлетело. Опустилось на ухо своему большому другу, из которого я его вытащила, изобразило нечто вроде танца и снова зарылось ему в шерсть.

– Они всегда вместе, – сказал тот, кто меня сюда привёл. – Голубой здоровяк любит щекотки, а этому малышу нравится, как пахнет его мех.

Неудивительно. Мне и самой нравилось. Обнимая большого пушистика, я чувствовала изысканный не то цветочный, не то фруктовый аромат, а зарываясь носом глубже, вспоминала о ягодной шарлотке.

Помню мышечную силу и деликатность большой светящейся кошки, с которой я кувыркалась на полянке. Мы катались в густой и мягкой траве, и она поддавалась, играючи позволяя мне одержать верх и прижать её лопатками к земле, но стоило мне издать победный клич, как она тут же подминала меня под своё мощное и удивительно приятное

на ощупь тело, и мы снова катились вниз-вниз с уклона, и я хохотала, обвивая её руками и ногами, и она учила меня бороться, как своего подросткового котёнка. И мы кувыркались там с азартом и весельем, и она очень точно чувствовала меня, требуя от меня невозможного, ни разу не перейдя черту. Её гортанное урчание, большие мягкие лапы и грациозная гибкость превосходно запомнились мне. Проснувшись, я обнаружила, что поглаживаю соседнюю подушку, и очень расстроилась. Только что на её месте был тёплый пятнистый кошачий живот.

Глава 2

Я не давала Артёму достаточно общения, и он нашёл его за пределами наших владений. Почти каждое утро после завтрака он садился в свою машину и уезжал куда-то. Сначала ставил меня в известность куда и с кем собирается, но потом, устав от моих безразличных «угу», начал пропадать молча. Меня это устраивало. В его отсутствие я чувствовала себя более свободной и раскрепощённой, будто камера круглосуточной слежки выключалась. Мне хотелось, чтобы он вовсе не появлялся в отеле, но здесь был его дом и в нём он всё же проводил достаточно времени.

Когда Артём был в хорошем настроении, его можно было найти за баром, где он, повеселевший от нескольких порций виски, обсуждал что-то с барменами или подвернувшимися под руку постояльцами. А когда был в плохом – то есть почти всегда, – ходил растрёпанный, красноглазый, или уже пьяный, или всё ещё с похмелья, в мятых несвежих майках, рычал на персонал или угрюмо щёлкал мышкой, уткнувшись в ноутбук.

Наши отношения становились всё более натянутыми, но беспокоило это только его. Я не хотела иметь его рядом, не хотела иметь его в своей жизни и тем более не хотела, чтобы он мою жизнь контролировал. Я много размышляла об этом, совсем как параноик математик, которому не даёт по-

коя сложное уравнение. И утром у бара, и днём, бегая по делам, и всеми вечерами, неподвижно сидя на террасе в нарастающей темноте. Вертела свою ситуацию во все стороны, но, как я ни билась, уравнение не складывалось. В нём, определённо, присутствовал лишний член. Как же мне сказать ему, как объяснить, донести, что он для меня как кость в горле, как заставить его перестать надеяться на взаимность и заняться, наконец, своей жизнью? Без меня. Что же мне делать? Может, посыпать голову пеплом и уйти в джунгли?

И вот однажды я сидела в сумерках на остывающей от дневного зноя веранде, крепко обхватив себя руками, как ребёнок, которого заставляют успокоиться, и вдруг:

«Знаете что? – подумала я, подняв голову. – Да пошёл он!»

– Пошёл ты, Артём! – прошипела я в пустоту и начала собирать свои вещи.

И теперь мы живём как соседи. Буквально. Я перебралась в ближнее к океану бунгало.

– Зачем ты это делаешь? – спросил он меня, держа руки за спиной, слегка покачиваясь с носков на пятки и источая такое нечеловеческое напряжение, будто какой-то предмет под давлением, который вот-вот взорвётся. Перегородив собой дверной проём, он требовал ответа. Я хотела пуститься в долгие и пространные объяснения, но в груди вдруг стало горячо, что-то ожесточилось внутри меня, поднялось силь-

ным и знакомым мне чувством – злостью, и я выговорила твёрдо, с неожиданной для себя холодностью:

– Исключительно для того, чтобы лишний раз тебя позлить.

– Лу! – кулак с грохотом врезался в дверной косяк рядом с моей головой. – В чём дело?

– Пожалуйста, не заставляй меня отвечать на этот вопрос. Что мне сказать? Что так, ближе к стойке, мне удобнее управлять отелем? Или что оттуда лучше вид на океан? Или что мне надоело подниматься и спускаться по лестнице? Перестань, Артём, ты все сам понимаешь.

Мне показалось, что сейчас он ударит меня, но он совершенно неожиданно справился со своими нервами.

– Хорошо. Только не рассчитывай, что это начало конца. Тебе помочь перенести вещи?

Весь день я обустроивала своё новое пристанище. Съездила с Самнангом на рынок, прикупила пару картин на свой вкус взамен тех, что висели для гостей. Сменила шторы и постельное бельё на более уютные, чтобы чувствовать себя как дома, а не в казённом жилище. Поставила на веранду цветы в горшках и вечером долго сидела на ней, глядя на полосу лунного света в спокойном океане. Со всех сторон плавно раскачивались широкие пальмовые листья, в кустах что-то сонно стрекотало, из бара доносилась лёгкая музыка и разговоры постояльцев, иногда раскаты весёлого смеха.

Ближнее к ресторану бунгало не самое тихое место, но я наконец-то чувствовала некое подобие умиротворения и даже, наверное, счастья. Засыпая, я впервые за долгое время ощутила лёгкость, будто с груди сняли тяжёлую плиту. Я бы и не узнала, что она находилась там всё время, если бы не отважилась на этот поступок.

Водопад шумит за моей спиной. Я не могу оторвать глаз от огромной полосатой планеты, висящей в розовом предзакатном небе. Сейчас она тоже розоватая, прекрасная, как никогда. Ближние к ней спутники лениво ползут через небосвод, отливают разными цветами.

– Нужно, наверное, как-нибудь их назвать, эти луны, – предлагаю я.

– Назови, если тебе хочется

Я пытаюсь придумать им какие-нибудь оригинальные имена, но что-то совсем ничего не приходит в голову.

– Здесь так трудно думать, – расслабленно жалуясь ему

– Нет, это совсем нетрудно. Просто здесь всё по-другому, даже мыслительные процессы отличаются от привычных тебе. Не думай, просто ощущай всё это.

– Хорошо.

Да и не хочется думать. Какое-то невероятное, почти невыносимое блаженство разливается по телу и растворяет все появляющиеся мысли. Я не сопротивляюсь, мысли здесь и вправду кажутся лишними, но я вдруг вспоминаю то, о чём

хотела его спросить.

– У тебя есть имя?

– Конечно.

– И как же тебя зовут?

– Моё имя трудно распознать человеческому уху. Назови сама меня как-нибудь.

Интересненькое предложение. Назвать как-то уже взрослого человека, да и человека ли?

– Я буду называть тебя Эхо, – говорю после минутного раздумья.

– Почему?

– Не спрашивай, просто это имя пришло мне в голову, и всё.

– Да, хорошо. Мне нравится, интересное имя, и думаю, мне подходит.

– Ну и отлично.

Мягкий порыв тёплого благоухающего ветра. В воздухе появляются переливающиеся полупрозрачные сферы разного размера, от совсем крошечных до громадных, неспешно плывут в нашу сторону.

– Что это такое? – вскакиваю я с места.

– Не бойся. Думаю, это мыльные пузыри

– Да? – удивляюсь я, а потом прихожу в восторг.

Ведь правда, эти невероятные сферы просто мыльные пузыри, только какие-то волшебные. Я разглядываю их, люблю диковинными меняющимися формами и расцветками.

– И как же они оказались здесь? – смеюсь я, кружась среди них.

– Ну... они просто тут оказались. Просто так. Ты ведь любишь мыльные пузыри?

– Да, – подтверждаю озадаченно.

– Вот именно поэтому. Не замечаешь, здесь вообще много того, что ты любишь. Я делаю всё, чтобы заманить тебя сюда, чтобы тебе самой очень хотелось приходить в это место.

– Но я и так хочу!

– Тогда приходи.

Я не вижу его мимику, но всегда ощущаю все его чувства и настроения, меня будто обдаёт волнами его эмоций. Да, у меня никогда не получается рассмотреть его лицо, если допустить, что оно у него вообще есть, но зато я, даже не глядя, всегда точно знаю, что именно на нём написано.

– Мне не верится, что я могу оказываться здесь каждый раз, когда буду этого хотеть, – признаюсь я.

– Ты не хочешь в это верить?

– Почему же? Больше всего на свете хочу!

– Тогда верь. И твоя вера будет приводить тебя сюда.

Становится грустно и очень тоскливо. Просто верь. Звучит как-то неубедительно, вот бы мне какие-нибудь гарантии. Я сердито тыкаю пальцем в проплывающий мимо мыльный пузырь, и он лопается, выстреливая мне в нос волшебным ароматом.

– Не хочу обратно! – говорю твёрдо, усаживаясь на место.

– Тебя никто не гонит

– Никто... – соглашаюсь я. – Только необходимость просыпаться.

– Да, такое происходит, когда хочешь быть в нескольких местах одновременно. Где-то засыпаешь, где-то просыпаешься.

– Опять эти «там» и «здесь». Я когда-нибудь пойму хоть что-то?

– Если отважишься выйти за границы своего разума.

– Это так страшно?

– Нет, но разум этого боится.

– Почему?

– Знает, что столкнётся с большими сложностями. Чувствует угрозу своей стабильности, защищается как может, боится и пугает в ответ. Он как маленький злобный хорёк, огрызающийся на мир из своей норки. Но его тоже можно понять, память его генов говорит о том, что мир опасен, а норка – это надёжное убежище.

– И как же быть?

– Чтобы исследовать окружающий мир, хорьки вылезают из своих норок по ночам. Интересная метафора, тебе не кажется?..

– Хочешь сказать, мой мир – это норка?

– Я бы сказал, что мир, из которого ты сюда попадаешь, это край.

– А сейчас я?..

– Намного ближе к центру. Представь себе ядро, в котором всё есть. Всё, что только можно, и особенно всё то, что нельзя себе вообразить. Оно огромно, неизмеримо, но эта концентрированная всевозможность постепенно разреживается от центра к краям.

– А зачем она разреживается?

– Чтобы не быть одной.

Пользуясь тем, что Артёма нет на территории, я убивала время с Аланом в баре.

– А что там, за этой скалой? – спросила, глядя на волны, ударяющие в отвесную стену.

– Ещё одна скала. Куча булыжников и камней, а метров через триста красивая лагуна с белым песком. Я иногда лазаю туда по камням, когда хочется размяться и приключений.

Я присосалась к своему лимонаду, поболтала ногами и решила:

– Мне сейчас хочется размяться и приключений.

– Это опасно, Лу. Валуны высокие и скользкие, если упадёшь, костей не соберёшь, эта лагуна спрятана очень надёжно. Я такой сказочной красоты не встречал на всём побережье! Мелкий хрустящий песок, почти лежащие пальмы, лазурная вода... А ещё там есть водопад. Он совсем небольшой, просто ручей, падающий с высоты метров в пятьдесят, но очень живописный! Так красиво, что даже моргать забы-

ваешь. И самое главное, там никого нет. Мало кто знает про это место, оно скрыто скальными выступами с двух сторон, если и можно как-то попасть в него, то только через наш отель, пробравшись по камням.

– Я хочу взглянуть на эту лагуну.

– О нет, это без меня, – поднял он ладони. – Я не поведу тебя, слишком опасно.

– Тогда ты уволен, – я невозмутимо пожала плечами.

– Опять ты за своё?

– Конечно. Как иначе унять твои муки совести? Как снять с тебя груз ответственности?

– Ладно, уговорила, – он с азартом потёр руки, и я поняла, что ему самому не терпится показать мне это место. – Когда?

– Прямо сейчас.

Он оценивающе осмотрел мой наряд.

– Тогда тебе придётся переодеться и сменить обувь. Это же всё равно что взбираться на гору! Есть у тебя какие-нибудь сандалии для трекинга?

– Да, есть! Я покупала, когда ездила в Ангкор.

– Ну и отлично, меньше будут скользить, может, и не расшибёшься.

– Ладно, я побежала!

– Мне тоже нужно переодеться!

– Готовность десять минут, – прокричала я уже с лестницы и понеслась в дом.

– Давай руку, я помогу

Я стояла на камне и смотрела на протянутую ладонь, точно зная, что всё это уже было в моей жизни. Плещущаяся под ногами вода, большие шаткие валуны и отвесная стена справа. И протянутая рука сильного, надёжного мужчины. И мой озадаченный взгляд, исследующий влажный камень, примеряющийся к тому, как удобнее поставить ногу. Я застыла в растерянности, не в силах вырвать себя из этого навязания, хлопая глазами и переводя взгляд с валуна на ладонь и обратно.

– Я так и знал, что испугаешься, – вздохнул Алан, опуская руку. – Поворачиваем назад?

– Нет-нет, не в этом дело! – отозвалась я поспешно.

– Тогда в чём же?

– У тебя бывает такое чувство, что ты точно знаешь, что вся эта ситуация уже когда-то происходила в твоей жизни? Понимаешь, такая странность и нереальность происходящего, какой-то ступор, когда знаешь, что всё это уже было, но никак не можешь связать это воспоминание с каким-то конкретным моментом в своём прошлом. Как будто даже время останавливается, и ты уже знаешь, что будет дальше.

– Дежавю? Все это чувствуют иногда. Видишь, даже термин специальный придумали.

– Да, я знаю про дежавю, но... Неужели это оно и есть? Я знаю, что когда-то стояла точно так же, перед этим камнем, и так же смотрела на твою протянутую руку. И мы разгова-

ривали и... Я даже знаю, что будет дальше!

– Неужели? И что?

– Мы будем карабкаться по камням, а потом... Кто-то из нас упадёт и ушибётся. Да. Будет очень больно, и, кажется тебе.

– За меня не беспокойся, Лу, я уже сто раз здесь лазал, а все эти твои переживания – всего лишь страхи. Хочешь, пойдём назад?

– Нет. Я ничего не боюсь. Просто... Это так странно. Ну ладно, давай руку.

Мы карабкались по скалам в метре над волнами, и чувство дежавю, зыбкое как дым, сменилось чувством глубокой уверенности в том, что раньше мне абсолютно точно приходилось лазать по огромным валунам. Я знала, как вернее мне поставить ногу и какой выступ более удобен для того чтобы ухватиться. Намётанным глазом я определяла опасен ли очередной камень, будет ли он шататься подо мной или станет надёжной опорой, но Алан всё равно беспокоился за мою целостность и подавал руку на особенно сложных участках. Прямые солнечные лучи нещадно жгли кожу, пот струями стекал под нашей одеждой. Уже через пару минут я взмокла от жары и от напряжения, раскалённый воздух, врывающийся в лёгкие, словно запекал меня изнутри, солнце работало над этим снаружи.

– Ты отлично справляешься, Лу, – подбадривал меня Алан. – Я и не думал, что изнеженные хозяйки отелей могут

так ловко прыгать по скалам.

– Скрытые возможности человеческого организма, – тяжело дыша от изнуряющей жары, отвечала я. – Никогда точно не знаешь на что способен, пока не попробуешь.

– Факт. Ещё немного, и мы на месте.

Особенно сложный выступ скалы, преодолевая который, мы находились буквально на пределе своих физических сил, и моему взгляду открылось сказочное зрелище.

Бирюзовые волны разбивались о прибрежные камни, которые природным амфитеатром по дуге уходили в море, оберегая полоску белоснежного пляжа. Морская вода, превращаясь в искрящуюся на солнце пену, ласкала мелкий хрустящий песок. От вида падающего с высоты пятидесяти метров водопада захватывало дух. Вода стекала по скалистой стене и срывалась на некоторых участках, разноцветные брызги сверкали на солнце. Я пригляделась и увидела самую настоящую маленькую радугу, поселившуюся в середине водопада над небольшим выступом, разбиваясь о который, падающий ручей превращался в водяную пыль. Ярко-зелёные пальмовые листья почти над самым песком, их горизонтальные стволы, тянущиеся к морю, а не к небу, так и просились на рекламный буклет туристической фирмы.

Подойдя ближе к водопаду, я увидела, что он выдолбил в горной породе некое подобие природного бассейна, и незамедлительно вошла в этот бассейн прямо в одежде, опустилась в божественно прохладную воду, откинулась на нагрет-

тый солнцем каменный бортик, зажмурилась. Просидела так некоторое время.

– И всё-таки я вижу будущее, – сказала.

– Неужели, и что там? – кряхтел Алан, забираясь ко мне.

– Эта земля принадлежит мне, – улыбнулась, открывая глаза, – потому что мне здесь очень нравится.

– И не надейся, твоё предвидение тебя обманывает.

– Не обманывает. Ты ведь всё-таки упал, и тебе было больно, – я кивнула на его разбитое колено.

– Ерунда, кто-то из нас обязательно должен был покалечиться на этой стене. А насчёт земли ты загнула. Насколько мне известно, это территория какого-то заповедника, власти не позволят.

Я медленно подняла на него полные жалости глаза.

– Ты так наивен, мой мальчик.

Глава 3

Я не всегда могла попасть в мир под большой полосатой планетой. Это происходило только в случае глубокой концентрации и сильного намерения оказаться там. Чаще меня отвлекли другие сны и возникающие в них странные персонажи, у каждого из которых было ко мне ответственное дело. Я словно запутывалась в разных, не своих историях, вязла в них.

Во-первых, не всегда сразу понимала, что сплю. Бывало, до такой степени увлекалась каким-то сюжетом сна, что, даже осознавшись, продолжала в нём участвовать. Было интересно, чем всё закончится. Чувствовала себя персонажем фильма внутри фильма. Все с такими серьёзными лицами, решают проблемы, обращаются ко мне с просьбами и заданиями, просят совета или воюют против меня. Или просто какая-то захватывающая местность с потрясающе реалистичными декорациями. Мне нравилось лазить по чужим домам, брать в руки какие-то диковинные предметы, гадать об их назначении, приставать к случайно подвернувшемуся персонажам с расспросами о мире, в котором довелось мне очутиться.

Ну или ещё вот. Часто попадались говорящие животные, интересно же послушать их точку зрения на вещи. Например, однажды мне посчастливилось поболтать со своей же

кошкой. Я хотела, как обычно, замахнуться на неё снятой с ноги сандалией, когда она снова залезла на барную стойку, а она, вместо того чтобы убежать, прижав уши, просто села, надменно задрала хвост и сказала:

– Ну и? Всё равно ведь не кинешь. Всегда только пугаешь.

– Вот сейчас точно кину! – возмутилась я, замахнувшись сильнее и тут только поняла, что сплю.

Так вот почему обстановка в отеле была такой, как до ремонта! А я ведь всё утро ходила переживала, что ремонт ещё только предстоит! Нет, правда, в моей памяти были и стеклянные внешние стены в бунгало, и достроенный бассейн и всё остальное, но я была уверена, что это мои проекты или идеи и их ещё только предстоит осуществить. И вот снова выясняется, что я просто сплю! Какое же это странное ощущение, всегда так неожиданно! Просто какой-то сумасшедший сюрприз, который я каждый раз преподношу сама себе. Не знаю, можно ли привыкнуть к этому хоть немного. Начинаешь воровато оглядываться, потом становится смешно, но и очень не по себе одновременно. Почему-то всегда кажется, что за тобой наблюдают. Потом плюёшь на всё и решаешь просто хорошенько развлечься.

– Где твой сын? – спросила я кошку, надевая сандалию обратно на ногу.

– Да кто его знает, – зевнула она, – последний раз видела его у седьмого бунгало, охотился за ящерицей.

– Ясно.

Хотелось спросить у неё чего-нибудь ещё, но я понятия не имела, о чём принято разговаривать с кошками и тем более с домашними. Вдруг у них к тебе куча претензий?

– Раз уж ты здесь, – подтвердила она мои опасения, – скажи кухаркам, чтоб сами ели эти свои рыбы кости. Нет, ты не подумай, я благодарна за то, что вы меня кормите, не всем так повезло. Здесь ведь какие понятия. Приблудившихся кошек не прогоняют, потому что каждый в следующей жизни сам может стать кошкой, но и не кормят, потому что раз уж ты кошка, значит в прошлой жизни была плохим человеком. Я не помню свою прошлую жизнь, но всё-таки эти рыбы кости, они знаешь как горло дерут!

– Хорошо, – сказала я рассеянно.

Потом мы ещё долго обсуждали то, что она видела своими кошачьими глазами. Например, как один из охранников, вместо того чтобы охранять ночью отель, бывает, уходит с какой-то женщиной или приводит друзей, и они пьют пиво за ресторанными столиками. Помню проснувшись, я решила прошпионить за ним, чтобы выяснить, правда ли то, что рассказала мне кошка, но это желание сразу же прошло. Видимо, я решила, что мне ещё рано в психушку. Но кошке поутру всё же бросила кусок свежей говядины, и надо было видеть её глаза.

А сколько странных мест я посетила! Плавала в огромном водоёме, в котором вода была очень прозрачной, но вязкой,

как кисель, и по всей её толще висели большие пузыри. Заберёшься внутрь такого пузыря, и можно дышать, отдыхать до следующего, в попытках добраться до самого дна. Эти округлые светлые камни внизу только на первый взгляд кажутся просто камнями, а присмотришься лучше – поймёшь, что это ячеистые крыши каких-то сооружений, просто сооружения эти так глубоко, что выглядят маленькими. Начинаешь прикидывать, сколько же до них плыть, и хватит ли сил, и не опасны ли те, кто в них живёт. Выбор, как всегда, за тобой, насколько хватит твоей смелости?

А в другом сне я шла по длинному коридору, на всём протяжении которого было множество двойных дверей, которые открывались в обе стороны. Я подходила к ним, и некоторые створки сами распахивались наружу, а некоторые на меня. Преодолеешь страх, подойдёшь, распахнутся двери, а за ними опять этот же коридор и опять те же двойные двери впереди, и ты опять не знаешь, что за ними. Ты вообще никогда и ничего не знаешь и иногда страшно так, что единственное, что хочется сделать, – это сесть и сидеть, чтобы не случилось чего-то ужасного. Сидишь. Ничего не происходит, всё замирает. И тогда становится страшно от наползающей тишины. Начинаешь что-то делать, куда-то идёшь, лишь бы не ощущать эту мёртвую тишину. И постоянно присутствует чувство, что тебе нужно что-то найти, кажется, все сны, все ситуации в них и все истории лишь декорации, за которыми прячется какая-то тайна.

Как-то раз, например, я оказалась внутри здоровенной башни. Кирпич такой старый, что уже даже крошится, паутина под потолком, полосы света, падающего из забитых досками окон. Я поднималась по пыльной деревянной лестнице, ступени скрипели и грозили вот-вот проломиться под моим весом, но другого пути наверх не было. Не знала точно, зачем мне туда нужно, но было то, что гнало меня вперёд, выше и выше, и это было тайной, которую я хотела разгадать.

Я знала, что она откроется только тому, кто не побоится, знала, что она всегда окружает себя пугающей обстановкой, и только сильным духом дано приблизиться к ней. Она всегда была там, в этих мирах и дорога к ней была только одна – сквозь страхи. Тайна. Можно было делать вид, что она тебя никак не интересуется, развлекать себя всем остальным, что было в этих мирах, но всегда перманентно ощущать её присутствие. В конце концов понимаешь: что бы ни происходило вокруг, это всё будет мелким, ничтожным и незначительным по сравнению с ней. Это она одновременно и манит тебя, и выстраивает преграды, чтобы посмотреть, чего ты стоишь.

И ты начинаешь идти за этой тайной. Её нигде не видно, но ты чувствуешь её, она пахнет твоими страхами, и так ты понимаешь, где она может быть. Идёшь по её следам, по оставленным ею знакам и чем ближе подходишь, тем страшнее становится. Что же это за тайна и почему она так пугает? Ты не знаешь, но уже не можешь не идти за ней, потому

что чувствуешь, догадываешься, что только она и заслуживает внимания, ведь на самом деле вас только двое. Ты и эта тайна. И теперь она заманила тебя сюда, в эту старую башню с прогнившими скрипучими ступенями и плесенью на растрескавшихся стенах.

И вот я преодолела последние несколько метров, отделявших меня от массивной двери, и замерла, взявшись за кованую ручку. Что же там? Ты никогда этого не знаешь. Возможно это захочет уничтожить тебя, а возможно поделится каким-то знанием, и способ узнать это всегда только один – открыть дверь. И останавливает тоже одно – мысль о том, не зашла ли ты слишком далеко в этот раз? И спасает от этой мысли всегда тоже только одно – твоё непонимание того, что значит «слишком далеко», ведь у тебя нет полной картины и ты не видишь своё точное место в ней, а значит, не знаешь, кто ты.

Дверь открылась на удивление легко, лишь протяжно скрипнула в самом начале, а за ней... Пыль, плавающая в бьющих из щелей лучах солнечного света, пустота и красивая статуя в середине круглого зала. Прекрасное тело, вырезанное (вылепленное? собранное?) из причудливого материала. Светлый полупрозрачный камень с миллионами тускло поблёскивающих частичек. Я подошла ближе. Статуя просматривалась насквозь, и чем больше я вглядывалась внутрь неё, тем больше видела. Стоило мне сфокусировать взгляд на какой-то искринке, как она тут же зажигалась, выраста-

ла, становилась объёмной. Приходила в движение, начинала пульсировать и вращаться, как галактика, затягивала в себя. Это пугало, я переводила взгляд, но он тут же угождал в ловушку следующей песчинки, с которой начинало происходить то же самое. Казалось, я одним своим вниманием оживляю какие-то странные механизмы внутри статуи, и мне стало страшно от того, к чему это может привести.

Что это вообще такое и почему она оказалась здесь, в этом мире, спрятанная от всех в старой башне? Прекрасное произведение искусства и гениальное творение. Может, она опасна? Обходила статую по кругу, разглядывала идеальные черты лица, красивый рельеф тела. Провела пальцем по гладкому плечу. Материал не был холодным и просиял под моей кожей. Тогда я положила ладонь на каменную спину, и под ней начала приходиться в движение какая-то энергия. Светящимися и переливающимися волнами она исходила из места соприкосновения и разливалась по всему телу статуи, и только мне показалось, что она вот-вот оживёт, как я отдернула руку. Может ли нечто настолько красивое быть опасным? Я заглянула в незрячие глаза и оцепенела, замороженная тем, как искры внутри них начали наполняться жизнью. Казалось ещё чуть-чуть, и эти глаза ответят мне вполне осознанным взглядом. Стало жутко не по себе, и я зажмурилась.

А когда снова открыла глаза, увидела потолок своего бунгало. Привычное зрелище, возникающее каждый раз вместо

того, что напугало во сне. Потолок меня успокаивал, но только до тех пор, пока я не вспоминала, что несёт с собой мир, к которому он принадлежит.

И однажды, когда меня снова что-то напугало во сне и я снова зажмурилась, то поймала какой-то момент, сильный и необычный момент, в котором не ощущала ничего, кроме самой себя, и приказала себе перенестись в мир под полосатой планетой. Что-то меня дёрнуло, закружило, а потом выбросило. Я распахнула глаза и увидела сначала водопад, а потом его.

– Привет, – удивляется Эхо то ли мне, то ли моему состоянию. – Почему ты так напугана?

– Привет, – отдуваюсь я, лёжа на земле. – Там был какой-то зверь, он гнался за мной, а впереди был обрыв, и бежать больше было некуда и тогда я просто закрыла глаза, и оказалась здесь.

– Успокойся, – говорит он, и я улавливаю исходящую от него волну умиротворения, – это был просто сон. Это всегда просто сны.

– Да, сны, – ёжусь я, – но понимаешь это только после того, как проснёшься. А пока видишь эти зубы, эту вонючую пасть... бр-р-р. В общем, они вполне реальны.

– Всё это лишь порождения твоего сознания. А теперь скажи, как может твоё совершенное сознание произвести на свет что-то, что выглядело бы нереальным? Есть у него такая возможность?

Я долго хмурю брови, размышляя над его словами. В них определённо есть какой-то очень серьёзный смысл, но я, как обычно, не считаю себя способной понять его до конца.

– Ты всегда так странно рассуждаешь, – поднимаю я на него беспомощный взгляд. – Вопросы, которые ты ставишь, никогда не пришли бы мне в голову сами по себе, и я даже не знаю, как на них отвечать.

– Ладно, не отвечай. Просто отдыхай. Расскажи лучше, почему ты так редко здесь появляешься? Я ведь скучаю.

– Не знаю почему, – теряюсь я ещё больше. – Когда ложусь спать, то очень сюда хочу, но меня постоянно что-то отвлекает. Иногда это какие-то очень интересные места, иногда интересные сюжеты, иногда кому-то требуется моя помощь. По-разному. Я просто забываю о том, что ты есть.

– Да, я знаю, ты пытаешься разобраться в себе, – Эхо понимающе поджимает губы.

– Похоже на то, – соглашаюсь я, и у меня который раз возникает ощущение, что он знает меня лучше, чем я сама.

– Но ведь и у меня здесь тоже очень много всего интересного! – говорит он призывающим тоном и широким жестом обводит свои владения. – Я не могу показать тебе всё сразу, на это требуется время, но ты же видишь, я стараюсь. Почему тебе хочется отвлекаться на что-то другое?

– Не знаю, – я сокрушённо опускаю голову. – Это как-то само получается.

– Мне важно, чтобы ты не боялась меня. Ты ведь не из-

за этого не приходишь?

– Нет, я... – я пытаюсь отыскать в себе хоть какие-нибудь связанные с ним страхи, но не нахожу ни одного, – я не боюсь.

– Хочется так много показать тебе, столько всего рассказать, но для этого нужна ты. Я не могу настаивать на том, чтобы ты появлялась здесь чаще, но знай – я всегда рад тебе. У меня столько сюрпризов, тысячи жизней не хватит, чтобы показать их, миллиона!

Глава 4

– Давай руку, я помогу

– Не уверена, что это хорошая идея, – осторожничаю я, глядя в большой и круглый, как блюдце, блестящий глаз. Глаз этот смотрит на меня хитро, радужка его переливается всеми оттенками синего, и принадлежит он какому-то здоровенному зверю. Мощный, как слон, и такой же на первый взгляд неповоротливый. Видимость эта создаётся чрезвычайно плотным и густым мехом, который я неуверенно глажу. Какие-то волоски толстые, длинные, черничного цвета, а внутри – если гладить против шерсти – мягкий, светящийся сиреневым пух. Я знаю, что под этим мехом сильное и ловкое тело. Видела, как это существо перемахнуло через высоченную каменную гряду с проворством, которому позавидовала бы любая кошка. И вот теперь оно хочет нас покатавать, подставляет свою спину, гортанно урчит и смотрит с умоляющим ожиданием. Лапы, оканчивающиеся то ли когтями, то ли присосками, нетерпеливо скребут о землю. Эхо уже сидит сверху и тянет мне ладонь.

– Тут, наверное, должно быть какое-то седло или вроде того, – бормочу я.

Он треплет существо по большому плюшевому уху

– Думаю, он оскорбится, если мы запряжём его, как лошадь.

– Ну хорошо, – решаюсь я и с его помощью вскарабкиваюсь на спину странного зверя.

Оказываюсь за спиной Эхо, прижимаюсь к нему теснее, обнимаю руками его грудь.

– Поехали?

– Ага, – отвечаю, разглядывая свои утопающие в мягкой шерсти бёдра.

Кататься на этом существе, конечно, здорово, особенно когда оно ловко перепрыгивает через широкие овраги, когда молниеносно взбирается на высокие сопки или даже просто мчится по ровной цветущей местности, но я знаю более захватывающее развлечение.

– Может, лучше летаем на этих... драконах? – предлагаю, глядя на кружащихся над нами существ.

Не уверена, что это именно драконы, но другого определения в голову не приходит. Тела вроде бы чешуйчатые, сами раскрашены во все цвета радуги, у каких-то гребни на головах, у каких-то рожки или длинные, как у декоративных пони, гривы. Мы уже летали на них, и это было потрясающе. Со свистом рассекают воздух, пролетать над горами, крутиться с бешеной скоростью, переворачиваясь вдоль траектории полёта, проноситься в нескольких сантиметрах от грохочущего водопада, всем телом ловить переливающиеся на солнце брызги.

– Конечно, летаем, но позже, – отвечает Эхо и гладит пушистую фиолетовую голову. – Не обижай его, он ведь тоже

хочет нас покатать.

Я улыбаюсь, понимая, что он прав. Каждое существо здесь настойчиво добивается моего внимания и ласки. Бывает такое, что я просыпаюсь или засыпаю в груди пушистых тел, как когда-то засыпала ребёнком в груди мягких игрушек. Они урчат, пищат, ворочаются, ласкаются, подсовывают головы под ладони и трутся о ноги, а когда переворачиваешься поудобнее, понимаешь вдруг, что не на траве лежишь, а на животе какого-то громадного существа, довольного от того, что мы копошимся у него в шерсти. Всё это приятно настолько, что с трудом переносится. Но самое удивительное здесь – это, конечно, дракончики.

Мне не сразу удалось полетать. Несколько первых раз чувство страха выкидывало меня из этого мира, но я упорно возвращалась вновь и вновь, и в очередной раз Эхо сказал:

– Попробуй сосредоточиться на чём-нибудь. Например, на его шее.

Взмахом руки он подозвал одного из драконов, и тот, неизвестно как определивший, что жест относится именно к нему, начал снижаться.

Ветер, поднятый его мощными крыльями примял высокую траву, как лопасти садящегося вертолёта. Существо село, когти утонули в мягкой земле. Оно изогнуло длинную шею, и его голова оказалась возле моего лица. Ноздри его сужались и расширялись, обнюхивая меня. Я ожидала увидеть зубы, оскал или что-то вроде этого, но не видела ничего,

кроме малиновой подрагивающей верхней губы.

– Не бойся его, – Эхо похлопал дракончика по голове, провёл пальцами по длинному мохнатому отростку, заменяющему ему бровь. – У него и зубов-то нет, цветочками питается.

– Цветочками? – повторила я, разглядывая мелькающий кончик узкого языка.

– Ну да. Как колибри. Забирайся сверху.

– А держаться как? – спросила я.

– Он сам будет тебя держать, не беспокойся об этом.

Я всё ещё настороженно разглядывала чешуйчатую спину и сложенные трепещущие крылья.

– Доверься ему, – расслабленно призвал Эхо.

Ну хорошо. Я запрыгнула дракону на спину, он дёрнул крупом, перекинув меня чуть ближе к шее, чтобы мои бёдра не мешали его крыльям. По настоянию Эхо я сосредоточилась на драконьей шее, смотрела на его гребень. Начинаясь он сразу за глазами, самые первые отростки расположены в один ряд и еле-еле отличимы от остальных чешуек на коже, но по мере того, как гребень поднимался выше и переходил на затылок, а затем и на мощную шею, отростки становились всё длиннее и выстраивались уже в несколько рядов. Я погладила их. Мягкие, тёплые, податливые. Бросила взгляд на землю – уже довольно высоко, будто с трёхэтажного дома смотрю. Картинка дрогнула и поплыла, я снова вперила взгляд в чешуйчатую шею, обхватила её руками, прижалась

щекой и сосредоточилась на ощущениях своей кожи. Пока я тёрлась щекой о шероховатые тёплые пупырышки, существо поднималось всё выше и выше, я это чувствовала. Справа и слева от меня бились два огромных резных по краям крыла, солнечные блики играли в них, отражаясь от тонкой гладкой разноцветной кожи.

– Я лечу! – крикнула я в испуге.

– Конечно, ты летишь! – крикнул Эхо, летящий рядом, мне в ответ и рассмеялся. – Ну что? Наперегонки до водопада?

Мы неслись над рекой. Река была широченной, как море. Она опоясывала всю планету целиком и заканчивалась огромным каскадным водопадом. Он срывался с невероятной высоты, образуя полукруг грохочущих пенящихся потоков воды. Да и сама вода была какой-то странной, сияющей, переливающейся, живой. Я смотрела на неё сверху, сидя на спине своего летучего змея, изо всех сил прижимаясь к нему коленками и крепко держась за шею и вдруг... Вдруг я почувствовала, будто это у меня выросли крылья. Я действительно ощущала их силу и натяжение кожи под потоками воздуха. Удивилась, перепугалась, но в следующий момент почувствовала, как балансирует сзади мой длинный и гибкий хвост, продолжение моего позвоночника, меня самой. Удивилась ещё сильнее, закрыла глаза, отдавшись этим невероятным ощущениям, а когда снова открыла их, картинка изменилась. Я видела ту же реку, но видела её по-

другому. Изображение стало каким-то сетчатым, ячеистым, удивительно чётким. Видела сквозь толщу воды плывущих в этой реке разноцветных подвижных существ.

– Что?.. что это такое? – недоумевала я, хлопая широкими крыльями, а потом сложила их, вытянула шею и спикировала вниз, чтобы рассмотреть существ получше.

Зависла в метре над водой, размашисто помогая себе крыльями, и обомлела, осознав, что каким-то образом оказалась в теле дракона. Испугалась и вернулась в своё, лежащее на кровати.

Через несколько дней рабочие вовсю трудились над прокладкой узкой пешеходной дорожки от моего отеля до моей сказочной лагуны. Сваи вбивались в морское дно, на них стелился каркас, на каркас укладывались деревянные доски, монтировались перила. Территория лагуны облагораживалась, рабочие расчищали пляж от сухих листьев и веток, редкие большие камни, попадающиеся под водой, выкорчёвывались, создавалось идеально чистое дно, безопасное и комфортное для купания. Мы наблюдали за строительством, я – сидя в тени под раскидистой пальмой с коктейлем, Алан – лениво обрывая сухие листья с садовых деревьев.

– Всё дальше раскидываешь свои щупальца, – усмехнулся он, глядя на орудующего молотком рабочего.

– О чём это ты?

Он подошёл сзади и загадочно понизил голос:

– Голова осьминога находится здесь, – он погладил меня по волосам, – в этом отеле. Одно щупальце, заднее, раскинулось от хозяйского дома до центральной дороги, другое, переднее, тянется от ресторана напрямиком в море, и я сейчас про пирс, третье уползает вправо к лагуне. Чего-то не хватает, да?

Мы оба смотрели налево, в сторону соседского гест-хауса. Я потянула через трубочку коктейль, взболтала и отставила его в сторону.

– Ты думаешь о том же, о чём и я? – спросила.

– Артём. Я подумала, что неплохо бы прибрать к рукам соседский отель.

– Об этом не может быть и речи. Ты и так постоянно пропадаешь по своим делам, представь, если твой отель станет в два раза больше. Я же тебя совсем не увижу!

Я неслучайно подобрала именно этот момент. Артём был немного пьян, а значит, откровенен и беззащитен.

– Не преувеличивай, – сказала я ласково. – У меня не станет больше работы, я буду точно так же ездить на закупки, просто буду покупать в два раза больше продуктов. И всё. Нашему персоналу не хватает нагрузки. Уборщица почистит быстренько два-три бунгало, закинет бельё в стирку и отдыхает потом целый день. Бармены тоже не пашут в поте лица, особенно днём, сделают коктейль и сидят, нальют кофе и опять сидят. Они не отрабатывают свои зарплаты. Мы мо-

жем получать в два раза больше денег, не тратясь на работников. Понятие КПД знакомо тебе, Артём?

– Наши поварахи и так еле справляются по вечерам.

– Оставим им в помощь соседских кухарок, а остальной персонал уволим.

– Это что такое?

Артём отвлёк меня от книги, которую я читала, развалившись на диванчике в ближней к океану беседке. Я подняла на него невинные глаза. Прищурившись, он разглядывал персонал, облепивший прибрежные валуны. Скучающие работники смотрели на горизонт, изредка о чём-то переговаривались.

Соседский отель, выкупленный нами, закрыт на реконструкцию. Ремонтники преображают его, делают бунгало, похожими на мои, сносят ненужные, захламляющие территорию постройки, выносят старую мебель, ремонтируют крыши, фасады и настилы. Так и не уволенные мной и ничем теперь не занятые работники соседнего отеля, не найдя себе лучшего применения, просто смотрят на море.

– Я не могу их уволить сразу же, Артём! – голосом праведницы отвечала я. – Они сначала должны найти себе работу. У них же семьи, дети, всех нужно кормить.

– Какое тебе дело до их проблем?

– Перестань, ты же не изверг!

– Хорошо. Тогда какого чёрта они не ищут работу, а лежат

тут как тюлени?

– Чтобы получать зарплату, они должны ходить на работу. Я же не буду им платить, если они не будут появляться на рабочем месте.

– И почему же в таком случае они не работают?

– Потому что им нечего там делать. Они ведь ничего не понимают в строительстве.

– Тогда пусть помогают нашим.

– Наши не пускают их на территорию.

– Почему это?

– Не знаю. Видимо, ревностно охраняют свои рабочие места. Уборщицы чуть не подрались здесь вчера, еле разняла.

– Ты ведь изначально не собиралась их увольнять, не так ли, милая?

Я молчала и застенчиво улыбалась.

– Чёрт знает, что такое!

Артём сплюнул на землю и удалился, послышался угрюмый мат. Довольная, я вернулась к книге.

Легко осознаваться только в таких снах, где происходит что-то запредельное и то не всегда. Например, делаешь что-то, и тут по воздуху проплывает акула. Так, думаешь, странно, наверное, это сон. Или нет? Начинаешь вспоминать – а плавают ли акулы по воздуху в реальности? Причём этот вопрос не кажется таким уж лёгким, потому что пока находишься во сне, для тебя реален именно он, а всё иное оста-

ётся где-то на задворках сознания. Подсказкой служит сам вопрос – если он возник, значит не просто так, и даже если плывущая по воздуху акула кажется само собой разумеющимся явлением, начинаешь относиться ко всему происходящему с подозрением.

Окружающие люди тоже ничем не помогут, они-то как раз всегда уверены в том, что реальны. Однажды я осозналась до такой степени, что была на все сто процентов убеждена в том, что всё происходящее вокруг сон. Моя рука проходила сквозь стены, а ещё, когда я посмотрела в зеркало, увидела, что у меня сзади лисий хвост. Попробовала пошевелить им из стороны в сторону – получилось. Попробовала пустить по хвосту волну и опять получилось, даже каждый позвонок в нём чувствовался. Обрадовалась, конечно. Ну, думаю, теперь-то у меня есть доказательства того, что это сон, что теперь они скажут?

Вышла на улицу – какая-то незнакомая местность, выбрала прохожего поинтеллигентней и пристала к нему:

– А вы знаете, – говорю, – что мы в моём сне?

Он посмотрел на меня как на дурочку и пошёл дальше.

– Стойте! – догнала я его. – У меня есть доказательство! Смотрите, у меня хвост!

– Что у вас, простите? – смутился он.

– Да хвост же, хвост! – сказала я торопливо, повернулась к нему задом, чтобы продемонстрировать, изогнулась, чтобы и самой увидеть, но хвоста почему-то не было. Я крута-

нулась вокруг себя в одну сторону, потом в другую, спросила у прохожего разочарованно: – Вы тоже его не видите, да? Куда-то он пропал...

– Я пойду, ладно, – заспешил тот.

– Подождите! – я схватила его за рукав. – Ладно, чёрт с ним с хвостом, но, по-вашему, это, – я погрузила свою ладонь в стену, – это нормально?

– Что именно? – блеял прохожий, взглядом умоляя отпустить его.

– То есть вас не удивляет, что рука проходит сквозь стены?

– Милочка, я не понимаю, почему это должно меня удивлять?

– Хотите сказать, вы так тоже можете? – свирепела я.

– Как? Так? – и он погрузил в стену сначала одну руку, а потом и другую. – Если на этом всё, я пойду, хорошо?

– Идите, – махнула я растерянно.

– Надеюсь, я ничем вас не обидел.

Бывало и такое, что я начинала просто беситься от того, что никто не хотел со мной соглашаться. Доказываешь кому-то целый час, что он просто тебе снится, а он в ответ невозмутимо: «Вам бы, девушка, к психиатру». Бывало, и до драк доходило, до тех пор, пока я не поняла, что объяснять что-то кому-то бесполезно. У них всегда находились контраргументы, против которых мне нечего было возразить. И только один человек (но человек ли?) понимал меня и согла-

шался с тем, что просто мне снится. Может, именно поэтому мне так нравилось оказываться в мире под большой полосатой планетой?

Глава 5

– У меня для тебя подарок

– Отлично. Люблю подарки. Давай, – я деловито протягиваю раскрытую ладонь.

Эхо целует её и крепко сжимает в своей руке.

– Эта штука тебе не понадобится.

А потом показывает на далёкую еле видимую луну, висящую между нами и нашей огромной полосатой планетой.

– Нам туда.

– И как мы на неё попадём? – я еле сдерживаюсь, чтобы не подпрыгивать от азарта и возбуждения.

– Можем так же, как ты попадаешь сюда, но у меня есть идея получше. Устроим аттракцион?

– Давай.

– Только не бойся. Ты ведь во сне, с тобой ничего не может случиться. Хорошо?

– А чего именно нужно не бояться? – настораживаюсь я.

– Скорости. Просто расслабься и получай удовольствие, отбрось всё. Всё, что ты о себе знаешь и помнишь.

– Отбрасывать нужно не так уж много, – острою я.

– Тогда поехали.

И мы становимся очень-очень маленькими. Я могу видеть текстуру воздуха. Меняя фокус зрения могу уменьшать её до молекул и увеличивать до атомов, вижу, как проносятся

мимо крошечные шаровые молнии.

– Что это? – кричу я вдогонку одному из них.

– Это свет, – Эхо ловит один сияющий шарик и протягивает мне. – Заползай внутрь.

– Как?

– Всё как обычно. Просто сделай это

– Ну хорошо, – вздыхаю я, сосредотачиваюсь и оказываюсь уютно запакованной в переливающуюся оболочку. Он делает то же самое. Атомы становятся просто колоссальных размеров, висят на огромном расстоянии друг от друга, как здоровенные плотные тучи.

– Держись рядом со мной, – наставляет Эхо. – Курс на эту луну. И лучше притормаживай, скорость всё-таки не маленькая.

– Я попробую.

– Отпускай!

Нас бросает по направлению к луне. Земля стремительно уменьшается, вокруг образуется сплошная чернота космоса, не проходит и нескольких секунд, как мы оказываемся в полосе астероидов.

– Тормози, – слышу я спокойный приказ, и мы зависаем на орбите закрытой плотными облаками луны. Отсюда она кажется просто огромной, а полосатый газовый гигант за ней так и вовсе закрывает собой все горизонты. Текстура его облаков становится более рельефной, и я вижу колоссальные разнонаправленные ветра, гонящие слои атмосферы

по его поверхности. Вижу опоясывающие его далёкие кольца из межзвёздной пыли и астероидов.

– Круто, – выдыхаю потрясённо.

– Да, это прекрасно

Покачиваясь в невесомости, загипнотизированные, мы разглядываем гигантские разноцветные воронки ураганов и вихревые потоки. Пару вечностей спустя я вспоминаю, зачем мы здесь:

– Так и где мой подарок?

– Прямо перед тобой, – он указывает на затянутый тучами спутник.

– Мне ещё никто никогда не дарил луну, – вздыхаю я. – Спасибо.

– Подарок нужно распаковать, – ухмыляется он.

– Как? – удивляюсь я и тут же догадываюсь. – А, понятно!

Тучи – это обёртка, да?

Эхо кивает, довольный моей проницательностью.

– Давай, разгони их.

Я сосредотачиваюсь и усилием воли растворяю всю атмосферу в пространстве. В тот же миг мне приходится зажмуриться от яркого сияния, даже дыхание перехватывает, кажется, свет пронзает меня насквозь, как взрыв.

– Что это? – ахаю я, закрывая лицо руками.

– Открой глаза

Я приоткрываю один глаз, потом второй и вижу под собой огромный прозрачный камень. Он круглый и мягко сверка-

ет. Рассматриваю его, раскрыв рот, какое-то время.

– Это алмаз, – заключаю я.

– Эта луна – один большой кристалл. И кстати, грани не только снаружи, но и внутри, и их миллионы.

– Так ты даришь мне бриллиант? – распаиваю глаза.

– Ну да.

– Таких больших мне ещё никогда не дарили, – бормочу я, облетая алмазную луну, восхищаясь и огорчаясь одновременно. – Как же я буду его носить, у меня нет подходящего по размеру пальца.

– Я уже говорил, это аттракцион. Прокатимся?

– Что нужно делать?

– Отпускай. И не забывай дышать, пожалуйста.

Становится дико страшно и дико интересно одновременно

– Насчёт дышать я пошутил, – подбадривает меня Эхо. – Это такая метафора.

– Ну ладно, – решаюсь я.

В тот же момент содержащий меня световой шар вонзается в поверхность луны, устремляется вглубь и там, пойманный гранями, прыгает, отражаясь от тысяч поверхностей. С бешеной скоростью меня швыряет в разных направлениях, так быстро, что кажется, я нахожусь везде одновременно. Я визжу и хохочу, проносясь в потоках разноцветного сияния, искрясь и переливаясь вместе со всем миром. И Эхо отражается вместе со мной, и становится много его и много меня,

и все мы счастливы до невозможности.

– Мне кажется, я могла бы играть в эту игру вечно, – вздыхаю я позже, сидя у водопада и глядя на свою сверкающую луну.

– Пожалуйста, запомни её, – просит он.

– Хорошо. Но как ты вообще до этого додумался?

– Однажды мне приснилась алмазная планета

– Наверное, это здорово – воплощать свои сны в реальность, – вздыхаю я мечтательно.

– Да. А ты знаешь, что такое сны?

– Что?

– Это мысли, которые мы посылаем друг другу. Пожалуйста, запомни это тоже.

– Ладно, – отзываюсь я беззаботно и встаю.

Хочется немного размяться. Мне нравится чувствовать здесь своё тело, в нём ничего не болит и не скрипит, как обычно, оно чуть более ловкое, чуть более сильное и гибкое, чем то, каким я привыкла его ощущать. Однажды, когда я обратила на это внимание Эхо, он сказал, что для меня здесь доступно любое тело, но я выбираю своё потому, что хочу чувствовать себя именно собой. Сказал, что так правильно, что не всё сразу.

– Почему оно всё так? – спрашиваю я его, вдоволь наигравшись с кошкой и задумчиво присаживаясь рядом с ним.

– Как?

– Так, как я хочу. Почему небо аметистовое? Почему над

нами полосатая планета, которой я грезила всё детство? Почему летают мыльные пузыри и почему меня здесь так любит каждое существо?

– Потому что это твой мир. И он такой, каким ты хочешь его видеть, потому что это ты его создаёшь.

– А, я поняла! Его создаёт моё совершенное сознание! Так ведь ты говорил?

– Наше.

Я разглядываю Эхо. Он многозначительно молчит

– Жаль, что всё это ненастоящее... – отворачиваюсь от него.

– Оно может быть ненастоящим для кого-то, но только не для тебя.

– А для тебя? Что здесь делаешь ты?

– Жду.

– Кого? – снова поворачиваюсь к нему

– Тебя, – отвечает он так уверенно, что поднимает во мне целую волну разрозненных ощущений. Я почему-то чувствую себя дичью, чьей-то желанной добычей. Смотрю на него подозрительно, нервно кусаю губу.

– Ты умер? – спрашиваю, заранее догадываясь, что он ответит.

– Для Бога мёртвых нет.

Да, что-то вроде этого я и ждала.

– Ты призрак? – перефразирую.

– Скорее призрак ты.

Я больше не могу смотреть на него, по крайней мере сейчас. И чувствую, что вот-вот сойду с ума.

– Нет, – говорю я упрямо. – Я не призрак! Я просто сплю, и мне просто нужно проснуться.

– Конечно, – с печальной покорностью Эхо опускает голову.

Какое-то большое животное подходит к нам и ложится рядом. Приваливается пушистым боком к моей ноге, довольно урчит, косясь на меня требовательным изумрудным глазом. Я погружаю пальцы в невесомый шёлковый пух, глажу его, глаз довольно закрывается, урчание усиливается.

– Кто это? Как оно называется? – спрашиваю.

– Не знаю, – пожимает он плечами. – Я не давал им имён.

– А что оно делает?

– Просто живёт.

– Просто живёт?

– Да.

– Оно странное. Но очень милое.

– Это ещё не самое странное существо, виданное тобой.

– Разве?

– Да. Поверь.

– Мы здесь одни?

– В смысле?

– Ну... в этом мире. Здесь есть ещё кто-нибудь, кроме нас?

– Ты имеешь в виду людей?

– Да.

– Здесь много кто живёт, но не все хотят быть именно людьми. По правде говоря, и я не совсем человек, просто ты таким меня видишь. Видишь таким, потому что можешь меня таким запомнить. Я ведь знакомил тебя с ними, и вы чудесно проводили время. Ты была в восторге.

– Почему я этого не помню?

– Ты вообще многого не помнишь. Ты видела намного больше, ведь я намного больше тебе показываю, но ты никогда не запоминаешь этого.

– Почему?

– Твой мозг не в состоянии воспроизвести увиденное, так же как не в состоянии кофемолка показать цветное кино, поэтому ты всё сразу же забываешь. Да и сам этот мир не совсем такой, каким он тебе кажется, я просто показываю его тебе таким, каким ты можешь его запомнить.

– А какой он настоящий?

– Другой.

– Покажи мне.

– Ты всё равно забудешь.

– Я попытаюсь запомнить.

– Ну хорошо, – вздыхает он, нисколько не веря мне. – Дашь руку?

Кажется, Артём решил сменить тактику. Я стала замечать некие изменения в его поведении несколько дней назад.

– Доброе утро, Лу! – чмокнул он меня в макушку, проходя мимо. – Как спалось?

– Нормально, – ответила я, пережёвывая омлет. – У тебя как дела?

– Пойдёт, – улыбнулся бодро. – Позавтракаем вместе, не против?

Я пожала плечами, и он плюхнулся за мой столик, жестом попросил кофе у бармена. Развернул ноутбук экраном ко мне: – Смотри, что нашёл. Турфирма предлагает двухдневный тур по островам, в основном рыбалка с яхты.

– И? – напряглась я, ожидая, что сейчас начнёт упрашивать меня составить ему компанию.

– В общем, я позвонил, там одни мужики, ты не против, если я к ним присоединюсь?

– Не против, – выдохнула, расслабившись.

– Я так и думал, но всё равно решил спросить. Вдруг будешь беспокоиться, куда это муж пропал?

– Да, хорошо, что спросил, – сказала я, сознавая, что и вправду беспокоилась бы. – Когда вы отправляетесь?

– Ну вот сейчас позавтракаю и поеду. Яхта отчаливает в десять.

– Ясно, – криво улыбнулась я, чувствуя смутную обиду за то, что он всё уже решил, даже не поставив меня в известность. Хотя постойте, он же вот сейчас и ставит... «А-а-а! – злилась про себя. – Да и чёрт с ним, пусть катится куда хочет!»

– Не забудь солнцезащитный крем, – продолжала улыбаться.

– Ага. Эй, Самсунг! Дай мне такой же омлет и заверните с собой тосты с тунцом!

Поднимаясь через несколько дней по лестнице с тазом чистого белья, я наткнулась на Артёма, спускающегося вниз. Он был свеж, чисто выбрит и даже надушен одеколоном.

– Лу! – обрадовался он мне и выхватил у меня таз. – Давай помогу. Я как раз за тобой шёл, нужен совет.

– Ну хорошо, – смутилась я и пошла за ним по лестнице к дому.

– У меня важная встреча, – бормотал он на пороге, взясь с ключами. – А я не могу решить, какую майку надеть к этим джинсам.

Закатив глаза, я вошла вслед за ним. Ну что за детский сад? Артём предъявил мне две брендовые майки на вешалках.

– Эту или эту?

– Это будет официальная встреча? – спросила я, напустив на себя заинтересованный вид. Если он не замечает, как глупо это выглядит, не замечу и я.

– Почти, – замялся он.

– С мужчиной или с женщиной?

– С женщиной.

– Сколько лет даме? – продолжила я, стараясь говорить

серьёзно.

– Около тридцати.

– Какая будет обстановка?

– В смысле?

– Место, где вы встречаетесь.

– Ну... это будет ресторан.

– Будете обсуждать что-то связанное с бизнесом? – спросила, не моргнув глазом.

– И это тоже.

– Тогда на твоём месте я надела бы рубашку. С коротким рукавом. Помню, у тебя была такая светлая, вроде бы с розовым драконом на спине. Симпатичная, не слишком обязывающая, но уже не майка.

– Думаешь?

– Ты хотел моё мнение? Если ты правильно разъяснил мне обстоятельства встречи, думаю, эта рубашка подойдёт.

Артём молчал, но мимика выдавала его замешательство. Ах, неужели я не собираюсь расспрашивать его, что это за дама и почему он так тщательно готовится к встрече с ней? Ах, неужели мне совсем-совсем неинтересно? Ах, ну я же теперь, наверное, спать не буду, гадая, о чём они там беседовали в этом ресторане?

– Если это всё, я пойду, ладно? – улыбнулась я напоследок. – У меня куча дел.

– Хорошо, спасибо.

– Ты вот здесь чуть-чуть недобрил, – ткнула пальцем ему

в скулу, проходя мимо.

– Поиграй со мной в шахматы, милая, – оторвал он меня от книги, поставив на стол доску.

Я заставила себя унять вспыхнувшую злость за вторжение в моё личное пространство, заставила себя отвечать спокойно:

– Я вообще-то занята.

– Пожалуйста! Кроме тебя, больше никому, – сказал, наивно хлопая ресницами.

Почему-то стало стыдно за его одиночество. Я отложила книгу и потёрла ладони:

– Ладно, приготовься к самому худшему, сынок. В шахматах мне нет равных.

– Я это знаю вообще-то, – улыбался он, наклонив голову вбок.

Потом с умилением следила за тем как он морщит лоб, раздумывая над ходом, почёсывает комариный укус или трёт щетину, как переживает за очередную упущенную фигуру. Смеётся над какой-нибудь моей шуткой. Чувствовала, как близки все его эмоции, чувствовала себя кукловодом, дёргающим за ниточки его чувств. Я улыбнусь, и он. Я нахмурюсь, и он тоже. Чувствовала, как рад он моей компании. Хоть так. Какая же это тяжкая ноша – быть полностью ответственной за чьё-то моральное состояние. Будто не взрослый человек рядом, я ребёнок. Маленький, зависимый. Как же ему нелег-

ко, как он уязвим в своей любви...

– Эй, Лу, есть минутка? – кричал Артём, карабкаясь ко мне по камням.

Я сидела на своём любимом валуне, будто специально созданном для того, чтобы созерцать с него ночное небо. Чёрная вода облизывала его бока, светили яркие близкие звёзды и полная луна. Совсем не до Артёма.

– Есть, – сказала, – но всего минутка.

– Отлично, – он присел рядом, свесил босые ноги. – Я вот что подумал. Может, ты переедешь обратно в дом? Нет-нет, не смотри на меня так. Я имею в виду ты в дом, а я в бунгало.

– Зачем это?

– Ты устаёшь. Рано встаёшь, занимаешься весь день отелем, рестораном, следишь за всем. Тебе бы выспаться, а шум в баре не смолкает часов до трёх ночи. Я-то бездельник, могу и до обеда дрыхнуть, мне всё равно.

– Спасибо, – улыбнулась я, – всё хорошо. Не нужно.

Не объяснять же ему, что мои сны такие яркие, такие затягивающие, что меня не разбудила бы даже дискотека под носом. Я словно проваливаюсь, словно умираю ночью, с тем чтобы утром опять воскреснуть. К тому же мне было очень уютно в моём маленьком бунгало, ни на что бы его не променяла, даже на трёхуровневый коттедж.

– Точно?

– Да, точно. Меня всё устраивает.

– Ну как знаешь, не буду настаивать.

Он огляделся по сторонам, задрал голову к небу, потянул носом свежий океанский воздух.

– А тут хорошо. Я посижу здесь немного с тобой?

– Посиди.

И мы сидели и молчали о своём. Потом пожелали друг другу приятных снов и разошлись, каждый в свой дом.

Глава 6

– Здорово! Класс! А я могу так? – кричу я снизу.

– Конечно! – Эхо плавно разворачивается в воздухе и машет мне рукой: – Давай ко мне!

– А как?

– Постарайся максимально расслабиться, так чтобы вообще не чувствовать своего тела.

– Я попробую...

– Не нужно пробовать, просто делай это!

– Тебе легко говорить, – бубню я себе под нос, укладываясь на землю, – для тебя, кажется, вообще нет ничего невозможного...

– И для тебя тоже!

И как он только услышал с такой высоты? Ладно, что нужно делать? Я растягиваюсь в колышущейся траве и закрываю глаза, начинаю с пальцев ног. Максимально их расслабляю, затем колени, бедра, живот и плечи...

– Не забудь про голову! – слышу я его голос, и, кажется, звучит он именно в ней.

Сколько я уже так лежу? Несколько минут, наверное, но, может, и час. За временем здесь следить очень трудно, потому что его не существует. И когда же я взлечу? Что-нибудь вообще происходит?

– Я возьму тебя за руку, хорошо? – снова слышу его го-

лос и вздрагиваю от прикосновения. Блаженным теплом оно разливается по всему телу, кажется, даже кровь в венах светится.

– Не получается, – вздыхаю обиженно.

– Открой глаза

Помню, когда я их закрывала, надо мной колыхалась высокая трава, но теперь я её не вижу. Только небо в красочных полупрозрачных разводах и далёкие луны.

– Теперь посмотри вниз.

Я поворачиваю голову и немею. Стоит мне осознать, что земля осталась сильно внизу, как ужас сковывает всё тело, превращая его в многотонное изваяние, и меня с чудовищной силой дёргает вниз. От падения меня спасает только то, что моя ладонь всё ещё находится в его руке, на которой я и повисаю.

– Непривычно, правда? – весело подмигивает он.

– П-правда, – шепчу я, цепenea от страха.

– Не бойся. Даже если я тебя отпущу, ничего не случится.

Я почти не слышу его, всё, что я могу, это молча вращать глазами, разглядывая далёкую землю. Даже высоченные раскидистые деревья теперь кажутся совсем крошечными, даже огромная скала, с которой срывается водопад, выглядит отсюда мелкой и незначительной.

– Готова? Я отпускаю.

Не успеваю я осознать значение его слов, как он разжимает ладонь, и я ухаю вниз. Крик застревает в горле, меня пере-

ворачивает в воздухе, но через мгновение я зависаю, плавно раскачиваясь в потоках тёплого ветра.

– Что это такое? – выдавливаю с восхищением, нелепо размахивая руками и суча ногами.

– Ты летаешь. Кажется, это наиболее подходящее слово.

– Кажется, да...

Спустя какое-то время я уже вполне прилично управляю своим передвижением. Оказывается, всего-то и делов – только разглядеть направление потоков воздуха и вклиниться в нужный. Это легко. Тёплые разноцветные ветры будто сами угадывают мои желания, приближаются или удаляются, замедляются или ускоряются, мгновенно подстраиваются, стоит обратить свой взор на какой-то объект. Они сами решают, как лучше, комфортнее и интереснее доставить меня к нему.

Эти ветры, они определённо разумны, потому что играют со мной. Подкидывают и переворачивают в воздухе, если им хочется меня повеселить или чуть-чуть напугать для разнообразия, кружат в весёлых вихрях или устраивают засады в виде воздушных ям, в которые я, визжа и хохоча, проваливаюсь, подхватывают и возносят так высоко, что луны перестают казаться далёкими. Американские горки в километрах над землёй. Без рельсов, кресел и страховки, только на доверии к происходящему. Мне никогда не наскучили бы эти игры. Ни через сто, ни через тысячу, ни через миллион лет. Никогда.

Проснулась я в прекрасном настроении, хотелось петь, танцевать и любить весь мир. Впрочем, настроение это покинуло меня почти сразу после того, как я спустила ноги на пол. Остатки сна развеялись, и я уныло пошаркала в ванную умываться.

– Доброе утро, Сэмми, – зевнула я, проходя мимо бара. – Как дела?

Самнанг никогда и ни для кого не жалел улыбок, а уж для меня тем более.

– Привет! – расплылся он во все свои тридцать два белоснежных зуба. – Отлично! Чего хочешь на завтрак?

– Не знаю, давай пока только кофе.

Я села за свой любимый столик в ресторане и сонно уставилась на цветущий куст. Над ним летали какие-то насекомые, забирались внутрь бутонов, раздражённо жужжали там и вылетали обратно.

Самнанг поставил на столик чашку и салфетницу.

– Чего случилось? – беспокоился он. – Ты же с утра всегда голодная, как сто бездомных кошек.

– Никогда больше не буду есть, – поморщилась я. – Я слишком тяжёлая.

– Тяжёлая? Ты? – вытаращился он.

Я не ответила, угрюмо придвинула к себе кофе. Самнанг пожал плечами и направился к бару.

– Ты когда-нибудь летал во сне? – остановила я его.

Он обернулся, задумался.

– Летал когда-то в детстве.

– А я вот сегодня летала. Знаешь, это так здорово, что можно и не есть ради этого.

– Даже если ты превратишься в скелет, ты всё равно не взлетишь, Лу! – расхохотался он. Его, как ребёнка, всегда очень легко рассмешить. – Крылья-то у тебя от голода не отрастут!

– А они и не нужны. Я летала без крыльев.

– Как это?

– Не знаю. Просто. Захотела и поднялась в воздух.

– Что, даже руками не махала?

– Не-а.

Мне вдруг очень захотелось продемонстрировать ему, как это работало. Я поднялась со стула и огляделась по сторонам, почему-то чувствовала необходимость забраться повыше. Встала на стул, а с него залезла на стол.

– Что ты собралась делать? – Самнанг на всякий случай отошёл подальше.

– Пока точно не знаю, – раздумывала я. – Для начала, наверное, просто прыгну.

И я прыгнула вниз. Мягко спружинила, будто деревянный настил подо мной вдруг приобрёл свойства батута, и снова поднялась в воздух, на этот раз невысоко, сантиметров может на десять. Приземляясь, почувствовала, как ступни снова самортизировали, но на этот раз только пятки оторвались, мыски всё ещё касались пола. Испуганно глянула на Самнанг-

га, он стоял, тараша на меня глаза.

– Как ты это сделала? – уронил он челюсть.

– Сама не понимаю!

Я и вправду не понимала, как у меня это получилось, аж дыхание захватило от неожиданности и восторга, аж затрясло всю.

– Я попробую ещё раз, хорошо? – повернулась я к Самнангу и будто бы его взором увидела свои фанатично блестящие глаза.

– Давай, – прошептал он и полез в карман за телефоном. – Я сниму, ладно? Жене потом покажу.

– Ладно, – так же шёпотом ответила я, карабкаясь на стол.

К нашему обоюдному величайшему удивлению, у меня снова всё получилось. Мы даже обнялись на радостях.

– Давай сам! – визжала я. – Ты тоже сможешь!

– Нет-нет, Лу! Ты чего? Я ноги себе переломаю!

– Ты просто не веришь, что можешь! А я вот верю, и смотри что!..

На этот раз, забравшись на стол, я сделала сальто назад. Плавно, будто под водой, перевернулась в воздухе и приземлилась точно на пятки, пошатнулась, расставив руки, но удержалась на ногах.

– Ну ты даёшь! – не верил он своим глазам.

Я чувствовала необходимость в дальнейших тренировках, словно боялась упустить нечто важное, словно меня вдруг осенило, как именно это делается. Страшно хотелось закрепить

пить навык, чтобы он точно никогда больше меня не оставил, хотелось записать его на подкорку, отработать до автоматизма.

– Сэм, иди, встань на входе, – суетилась я, – предупреди, если кто-то пойдёт. Наверное, не нужно, чтобы меня видели.

– Да, Лу, хорошо, – благоговейно бормотал он, пятясь назад и не спуская с меня глаз.

Так, думала я, так. Нужно запомнить всё в мельчайших деталях, нужно ничего не упустить. Вот я забираюсь на стул, вот встаю на стол. Сальто я уже пробовала, а смогу ли я допрыгнуть до соседнего стола? Если оттолкнусь посильнее, не пролечу ли мимо? С какой именно силой нужно подпрыгнуть? А, ладно, наобум, ну пролечу, ну и что? Пол всё равно как батут. И я, конечно, пролетела, но в тот момент, когда коснулась ступнями настила, снова оттолкнулась сильно-сильно и меня подбросило метров, кажется, на пять. Даже увидела крышу ресторана сверху, мельком подумала, что надо перестелить подгнившие от дождя пальмовые листья в её середине. Так я прыгала и прыгала туда-сюда, с предмета на предмет, надеясь всё же взлететь, но как бы сильно я ни отталкивалась, ничего не получалась. Гравитация была благосклонна, но далеко не отпускала. Да и ладно, всё равно ведь здорово! С ума сойти, и как только я этому научилась?!

Это мне тоже приснилось, конечно.

А проснувшись снова, я не спешила вставать, вдруг всё

ещё сплю? Я уже давно подозревала себя в том, что с трудом отличаю сон от реальности, но сегодня убедилась в этом окончательно. Но как же всё-таки во сне легко поверить во что угодно!

Там я будто несмышлёный ребёнок, только-только начинающий познавать окружающий мир, с радостью и готовностью принимаю за чистую монету любую самую невероятную ерунду. Для сознания кажется нет того, что не могло бы быть, раз оно это видит, значит это существует, а сон это или реальность, сознанию безразлично, ему всё подходит, всё интересно.

И вот сейчас, сидя на кровати, я не могла с уверенностью определить, проснулась я или нет. Вполне может быть так, что, спускаясь завтракать, я встречу на лестнице динозавра или увижу лохнесское чудовище недалеко от берега. Могу увидеть в ресторане группу одетых в скафандры инопланетян, спрятаться в ужасе за барную стойку, но потом начать приставать к ним с расспросами. А могу споткнуться, сломать ногу, неделю провести в постели и только потом проснуться.

Я уже ни от чего не зарекаюсь, потому что со мной чего только уже не было, и ведь я с какой-то поразительной непроницаемой готовностью верю во всё. Ну а как не верить, если толком не знаешь, где находишься? Пробовала спрашивать у окружающих, сплю я или нет, и они отвечали, что, конечно, нет, а потом нас смывало чудовищным цунами, например, и

мы все умирали.

– Чем это пахнет?

Я тянула носом воздух, смутно различая в нём аромат чего-то знакомого, только никак не могла вспомнить чего именно. Алан поднял на меня хитрые глаза. Помимо хитрости была в них ещё и... какая-то несвойственная ему отрёпённость, словно его внезапно вырвали из красочных грёз. Или из другой вселенной. Он расслабленно улыбался, глядя сквозь меня.

– Алан, – пробормотала я, боясь поверить в то, что моя догадка окажется правдой. – Ты что курил здесь?

– Здесь все курят, – сказал он спокойно.

– Алан! Ты знаешь, что я имею в виду!

В первый раз я испытывала по отношению к нему какую-то отрицательную эмоцию. Смесь гнева и разочарования. Словно тень предательства легла на нашу дружбу.

– Лу, не будь занудой. Говорю же, травку здесь курят все, – сказал он, правильно истолковав мой взгляд.

Злость вспыхнула с новой силой. Я-то надеялась, что он развеет мои страхи, что начнёт отрицать, оправдываться, убеждать меня в своей невинности, а он этого делать, по-видимому, не собирался.

– Туристы за этим сюда и едут, – добавил он убеждённо.

– Что? – опешила я. – Ты так спокойно признаешься в том, что... куришь траву? Прямо на рабочем месте?

– Какая разница, где курить, – искренне недоумевал Алан. – Разве для этого занятия нужно подбирать какое-нибудь особенно место? Или время?

– Ну не за барной же стойкой моего отеля, – шипела я, вцепившись ему в майку. – Ты что, совсем сдурел? Хочешь, чтобы меня посадили?

– Да кто тебя посадит, Лу? – расхохотался Алан прямо в моё искажённое злобой лицо. На какой-то момент я даже почувствовала себя глупо, но тут же взяла себя в руки.

– Что если полиция узнает, что на территории моего отеля употребляют наркотики? Меня же обвинят в том, что я это допускаю! И ещё продажу пришьют к тому же!

Алан какое-то время позабавлялся моей яростью, едва сдерживая смех, потом похлопал меня успокаивающе по плечу.

– Лу, не глупи! Ты же в Камбодже! Курят траву здесь так же спокойно, как и пьют пиво. Повсеместно. Внимание полиция ты привлечёшь только в том случае, если по-хамски выдохнешь струю конопляного дыма прямо ему в лицо, причём разозлится он на тебя именно за хамство, а не за траву. На бумаге курить запрещено, на деле – курят все и всегда. За более тяжёлые наркотики, за синтетические, например, тебе могут впасть немалый срок, а трава, пока она растёт, это всего лишь трава. Её тут и в пищу добавляют вместо специй. И вот это уже абсолютно законно. Ну вспомни все эти «Счастливые пиццы» и «Счастливые печеньки», и даже в

ресторанах на центральных улицах городов. Всего лишь специя, Лу! – улыбался Алан, глядя в мои ошарашенные глаза.

Он залез в карман, вытащил пачку сигарет и выудил на свет толстенькую начатую самокрутку. Поднёс её к моим глазам.

– Смотри, вот этот косячок состоит из двух компонентов: из дорогого и дешёвого, из травы и бумаги. Так вот, бумага – это дорогой компонент. Понимаешь, то, что дёшево, не представляет для полиции никакого интереса, поэтому тебе не о чем беспокоиться. Мы с Томасом, бывало, частенько забивали косячки, и на работе это никак не сказывалось.

Я недовольно смотрела то на самокрутку, то на Алана. Я презираю даже алкоголиков, а уж мысль о том, что и мой лучший работник наркоман, просто вышибла у меня почву из-под ног.

– Алан, – жалобно шептала я, – но это же ужасно!

– Что ужасно? – округлил он глаза.

– Быть наркоманом.

– Да, Лу, – серьёзно кивнул он, – наркоманом быть ужасно. Когда-то я сидел на кокаине и на метамфетамине, и, знаешь, это было паршиво. Но, к счастью, каннабис – это не наркотик, а очень даже полезное растение. Марихуану даже прописывают как обезболивающее и противосудорожное.

– Алан, ты обманываешь и меня, и себя и знаешь это. Никакое это не полезное растение, это самый настоящий наркотик.

– Ты говоришь про то, что она вызывает привыкание?

– И про это тоже. А ещё про глюки, которые вы, наркоманы, ловите по обкурке. Видела я этих сумасшедших!

– Вряд ли это была марихуана, от неё не бывает глюков, скорее всего, какая-то тяжёлая синтетика. А привыкание к ней меньше, чем к обычным сигаретам. Те, кто курит постоянно, скорее попали в зависимость именно от ощущения эйфории. Им хочется чувствовать это снова и снова, они курят чаще и чаще, реальность, не приукрашенная косячком, кажется им серой и скучной. Если не впадать в крайности, если позволять себе это в исключительных случаях, по праздникам например, вместо того чтобы заливаться вискарём, то почему бы и нет? Я вот не любитель пьянствовать, но иногда же нужно как-то обнуляться.

– Обнуляться?

– Ага. Расслабляться.

– Давай так: обнуляйся где хочешь, но только не в моём отеле!

– Хочешь запретить курить в своём отеле? – он вызывающе поднял бровь.

– В смысле запретить? А у меня что, разрешено?

– Ну конечно. Здесь все курят. Весь ресторан, все эти люди, которых ты видишь по вечерам на диванчиках за столиками, они все курят! А чем, по-твоему, они ещё занимаются, глядя на закат?

– Так, – я сдержанно негодовала. – Пожалуйста, если ты

заметишь здесь ещё хоть одного человека, раскуривающего косяк на моей территории, гони его в шею.

– Хочешь лишиться клиентов, Лу? – Алан предостерегающе вздёрнул бровь.

– У меня и без них будет достаточно клиентов. Я хочу, чтобы в моем ресторане сидели только нормальные люди, а не какие-то наркоманы.

– Лу. Здесь нет «нормальных», как ты говоришь, людей. Всем людям так или иначе нужно расслабляться, и радуйся, что именно твой отель обладает такой красивой береговой линией и таким красивым видом на закат. Люди приезжают на отдых, и им хочется именно отдыхать, кайфовать, и кайф у всех разный! Те из них, кто выбирает именно такую обстановку, некий красочный пейзаж, в лучшую сторону отличаются от тех людей, которые выбирают ночные клубы с грохочущей музыкой или заплёванные притоны. Эти люди – они эстеты, Лу, и от них не нужно ждать пьяных, наркоманских выходок. Они только сидят и расслабленно, как в полусне, наблюдают за садящимся солнцем, тихо и спокойно. А знаешь, чего они хотят потом, Лу?

– Чего?

– Потом они хотят кушать. Много и вкусно. И тут, вау! Наш гостеприимный ресторан готов раскрыть свои двери каждому страждущему оставить любые деньги за быструю подачу очень большого, сытного и дорого блюда. Накуренный клиент – голодный клиент. Ты никогда не задумывалась,

почему на наш ресторан спрос выше, чем на другие, точно такие же рестораны с одинаковым меню и с одинаковыми ценами?

– И почему же?

– Всего лишь красивый вид. Лу! Ты продаёшь пейзаж, получаешь прибыль с того фона, который избирают люди для своих минут единения с блаженством, и ты хочешь забрать у них это? Хочешь уменьшить выручки своего ресторана? Разрушить этот прекрасный симбиоз, в котором удовлетворение получают обе стороны? И только из-за того, что какие-то дяди в какой-то стране сказали, что марихуана незаконна? Ну же, Лу! Приди в себя, это же просто, как дважды два! Народ расслабляется, ты стрижёшь купоны, все довольны.

Я смотрела на безмятежно счастливого Алана.

– И что, хорошо расслабляет?

– Превосходно. Хочешь попробовать?

– Нет!

– Ну как хочешь, – он пожал плечами, прыгнул со стула, взял полотенце, полироль и принялся натирать барную стойку, насвистывая себе под нос какую-то весёленькую мелодию.

Меня терзало ощущение недосказанности.

– Что, даже не будешь меня уговаривать? – спросила я, разглядывая рисунок на его майке.

Алан повернулся ко мне, жеманно улыбнулся.

– А зачем? Не хочешь, как хочешь.

– Ну ты все-таки попробуй.

– Что попробуй?

– Уговорить меня.

– Настанет день, и ты сама будешь меня уговаривать, Лу.

Настанет день...

Иногда, когда я была в настроении помучиться, то разговаривала с Эхо, скажем так, по душам. Надо заметить, что разговоры с ним – это вообще, наверное, самая сложная и в то же время самая захватывающая вещь на свете. Было очевидно, что Эхо нуждается в каком-то гораздо более искушённом и прозорливом собеседнике, чем я, потому что меня он вечно оставлял с носом.

Если мы обсуждали что-то, меня никогда не покидало ощущение, будто Эхо хочет подвести меня к чему-то определённом, к какому-то выводу. Он цеплялся за мои слова, увязывал их в одну логическую цепочку, почти позволял мне почувствовать себя умной, и всё только для того, чтобы одним виртуозным вопросом или тезисом разрушить мою уверенность в собственной правоте. Да и вообще уверенность в чём-либо. Он всё так ловко переворачивал вверх ногами, наизнанку и вообще так заковыристо вертел фактами, что в конце разговора я всегда чувствовала себя дурочкой. Злилась, конечно, за это на него, но потом понимала, что это глупо. Я была уверена в том, что Эхо никогда не унизил бы меня намеренно, что поделаться, раз уж ему известно намного

больше?

А сейчас он, кажется пребывает в очень игривом настроении, потому что говорит мне:

– Не смотри на меня так, – и улыбается хитро, пока я таращу на него глаза.

– А ты сам-то понял, что только что сказал?

– Конечно.

– То есть, по-твоему, сёрфинг на астероидах – это нормально?

Он праведно вскидывает брови:

– Ну а зачем ещё они нужны?

– Ну уж точно никак не для того, чтобы ездить на них верхом!

– Ты хочешь? – спрашивает с видом, будто ему до смерти надоело объяснять очевидные вещи.

– Хочу что? – снова таращусь я. – Встать на астероид как на доску для сёрфинга? Нестись в безвоздушном пространстве вокруг газового гиганта? Мы же об этом говорим?

– Ну да.

Его спокойный, немного насмешливый тон вызывает во мне странное чувство. Нечто вроде соревновательного энтузиазма, смешанного с опасением быть осмеянной за трусость.

– Хорошо, – сдаюсь я. – Что нужно делать?

– Так-то лучше, – он довольно кивает. – Закрой глаза.

– Это сумасшествие, – вздыхаю я, качаю головой и зажму-

риваюсь.

– Я помогу.

Эхо подходит ближе и встаёт за моей спиной. Крепкая нежная ладонь накрывает мои глаза.

– Ты готова?

– К чему?

– Ко всему самому захватывающему. Почувствуй его под ногами, почувствуй его твёрдость, его неровности, почувствуй, как балансируешь на нём. Подайся вперёд, вот так, отклонись назад, – а теперь немного в сторону. Понимаешь? Не сложнее, чем на мотоцикле.

– Почему-то сейчас у меня такое ощущение, что подо мной... одноколёсный велосипед.

– И это правильное ощущение, потому что...

Я вдруг понимаю, что его ладонь больше не прикрывает мне веки, что голос его звучит не где-то рядом со мной, а у меня в голове, и что я совсем одна в каком-то неизмеримо огромном пространстве.

– ...потому что ты уже здесь! – победно восклицает он. – Открывай глаза!

Я открываю и вижу... Нет! Невозможно описать то, что я вижу! Сначала свои стопы, стоящие на чёрном, тускло поблёскивающем камне. Затем пустоту. Безграничную, бесконечную, засасывающую, необъятную, подавляющую пустоту под ногами и вокруг себя. А слева... Огромная планета, такая неопишимо красивая, такая яркая на фоне космической

черноты! Не знаю, сколько времени я провела так, стоя на астероиде – одном из миллионов, разбросанных вокруг меня. Любуясь на разноцветные застывшие вихревые потоки необъятного газового гиганта, закрывшего собой половину вселенной. И будто весь мир задерживает дыхание вместе со мной, ожидает от меня каких-то действий.

– Ну? – интересуется голос в моей голове. – Как ощущения?

Я поворачиваюсь вправо и вижу Эхо стоящим на соседнем астероиде – это в первый момент, а во второй – вижу его зависшим в безвоздушном пространстве на большом камне. И до меня наконец доходит невозможное.

– Я в космосе! – взвизгиваю я восторженно и крайне испуганно одновременно.

– Спокойно! – призывает он спокойно. – Всё ведь хорошо?

– Если не принимать в расчёт то, что я без скафандра в открытом космосе... – начинаю я язвительно-рассеянно, но потом вдруг спохватываюсь: – Стоп! А как мы разговариваем? Звуки же не передаются в вакууме!

– Ну... видишь ли... мы и не звуками разговариваем. У нас ведь даже рты не открываются, не замечаешь?

– Действительно... Ну а что дальше? Так и будем висеть на месте посреди пустоты?

– Прежде всего хотелось бы объяснить тебе, как это работает. Ты сама выбираешь скорость. Если хочешь, можешь ползти как улитка, а можешь разогнаться до сверхзвуковой

и даже быстрее.

– А я не свалюсь с него? – осторожничаю я скорее по привычке.

– Ну, если захочешь, почему бы и нет?

Я бросаю на него мимолётный испепеляющий взгляд и снова опускаю глаза к камню под ногами. Поверить не могу, что действительно вижу его! Всё это! Астероид шероховатый, весь в дырочках, как пемза, тёмно-серый, в прожилках поблёскивает нечто вроде слюды, а может, и лёд.

– Ладно. Что нужно делать?

– Каталась когда-нибудь на сёрфе?

– Конечно! – отзываюсь я быстрее, чем успеваю обдумать вопрос. Я ведь никогда... или?.. почему тогда я так ясно представляю себе, что испытывает человек, оседлавший гребень волны?

– Ну вот и отлично! Просто вспомни это ощущение, поймай его и заставь эту систему вертеться!

– Я попробую, – говорю я и смотрю на свои ступни.

Камень подо мной покачивается, я раскидываю руки, удерживая равновесие. Мысленно приказываю ему двигаться вперёд. И тут же всё вокруг меня оживает. Вихревые потоки газового гиганта приходят в движение. Астероиды вокруг меня начинают или удаляться, или приближаться в зависимости от своего размера и скорости вращения. Мне приходит в голову, что именно здесь можно ощутить себя центром вселенной – на этом висящем в пустоте камне, кото-

рый я заставляю вращаться только силой мысли. Бескрайний космос угнетает своей мощью, и я инстинктивно подгибаю колени, будто пытаюсь срастись с астероидом, стать частью этого необъятного каменного кольца, несущегося вокруг газового гиганта.

– Не бойся! – смеётся Эхо, догоняя меня. – Что здесь может с тобой случиться?

А вот действительно – что? Я ведь сплю, и всё это – всего лишь сон, так чего опасаться? Какая-то смелость, лихость, овладевает мной, я буквально чувствую, как от перевозбуждения искрятся глаза и всё тело охватывает поток невероятной бурлящей энергии. И я разгоняюсь. Чернота бездонного космоса и звёзды вокруг меня – сверху, справа и что самое невероятное – даже внизу! Я не верю своим глазам – как все эти звёзды, светящиеся дымчатые туманности, целые галактики могут быть у меня под ногами?! Как я могу глядеть на них сверху? Я ведь привыкла к тому, что небо может быть только над головой и ни в каком другом месте, но здесь...

– Забудь обо всём, что ты знала! – проникает в моё сознание его голос. – Здесь только ты устанавливаешь правила, и они будут такими, какими ты захочешь! Никаких ограничений, просто лети! Просто чувствуй это!

И я лечу, подхваченная вихрем экзистенциального восторга и не знаю точно, чьи эмоции я сейчас испытываю – свои? его? Это не важно, потому что в эти моменты я чувствую такое глубинное восхищение, что единственным спо-

собом вынести весь этот нечеловеческий восторг была возможность разделить его с кем-то. Казалось, что я не смогу пережить это в одиночестве, настолько эти эмоции переполняли меня. И я так благодарна была Эхо за то, что могла разделить их с ним, была благодарна за его причастность и единение со мной в этом колоссальном космическом круговороте

Я разлепила глаза. В бунгало сильнее обычного пахло зеленью и влажной землёй, кажется ночью прошёл дождь. Встала, вышла на террасу – так и есть, на пальмовых листьях висят крупные капли, лужицы на ступеньках, но небо начинает светлеть. Пока умывалась, совсем распогодилось, стало красиво вокруг и на душе не так погано. Перепрыгивая через лужи на лестнице спустилась на завтрак, быстро проглотила кашу и попросила Самнанга перетащить матрас с моего диванчика на валуны, хотелось поваляться на них и дочитать вчерашнюю книгу.

Пытаясь вникнуть в текст, я потягивала через трубочку смузи и жалела о том, что не надела купальник. Солнце великолепное, светит, но не жжёт, позагорать бы, а тащиться до бунгало страшно лень. Я оторвалась от книги и подняла голову, тоскливо уставилась на свою террасу неподалёку. Вон он, купальник, сушится на спинке стула уже, наверное, пятый день, сходить, что ли?.. И тут я поперхнулась. У бара стояла группа из трёх пёстрых дракончиков, до меня доно-

сились их писклявые, как у бурундуков из мультфильма, голоса, они обсуждали что-то, пихались, спотыкались об свои же хвосты.

Так я сплю! Вот ведь!

Стало жутко смешно. Обычно, встречая во сне таких странных существ, я тут же подхожу к ним подслушать о чём они болтают, но сегодня мне и вправду всё было лень. Перевесило желание позагорать, просто насладиться моментом. Я стянула с себя свой лёгкий льняной комбинезон, растянулась на матрасе в чём мать родила, накрыла голову соломенной шляпой и заставила себя ни о чём не думать. Понятно теперь, почему читать никак не получалось, я не улавливала смысл написанного, глаза по нескольку раз возвращались к началу абзаца – во сне всегда так. Просто слушала плеск волн, ласкающих подножие валуна, ощущала кожей тёплые лучи солнца...

– Твою мать, Лу! Ты что, совсем сдурела?!

Я вздрогнула и стянула шляпу с лица, села на матрасе, комкая комбинезон возле груди.

– Артём?

Он стоял в нескольких метрах от меня, недоуменно таращился на моё тело.

– Почему ты голая?! – прошипел, краснея.

– Загораю...

– Прикройся, идиотка! Здесь тебе не нудистский пляж, а территория отеля!

Я бросила взгляд на ресторан. Дракончики сидели за столиком, болтали ногами и чокались стаканами с лимонадом.

– Артём, успокойся, мы в моём сне, – сказала я, пытаюсь взять себя в руки.

Вот ведь противный, даже тут не может оставить меня в покое!

– Чего? – сморщился он.

– Обернись, там драконы.

Он оглянулся назад, но тут же вернулся ко мне.

– По-твоему, в реальности драконы могут сидеть в твоём ресторане? – спросила я с вызовом.

– Это дети, Лу, – приглушённо взвыл он. – Дети наших постояльцев. На площади Золотых львов сегодня был карнавал.

– Да? – заподозрила я неладное.

Артём вытер пот с лица, устало махнул в мою сторону.

– Оденься, пожалуйста, и пойдём поговорим.

– Значит, ты утверждаешь, что у тебя проблемы с тем, чтобы отличать реальность от сна? – спрашивал он через полчаса, задумчиво позвякивая льдом в стакане с виски.

– Ну... не то чтобы проблемы, просто... у меня это не всегда получается.

– Это значит проблемы, Лу, – мрачно заключил он. – Давно это с тобой?

– Точно не знаю. Помнишь, когда мы ещё жили на вилле,

я задыхалась по ночам?

– Конечно, помню, – поднял он на меня тяжёлый взгляд.

– Это происходило потому, что сон был очень реальным. Я видела её, чувствовала её руки на своём горле, чувствовала, как не хватает воздуха. Наверное, тогда это и началось. Со временем прогрессировало, ну а теперь... не знаю, что теперь. Сам всё видел. И кстати, я до сих пор не уверена в том, что не сплю.

– Но как это может быть?

– Я не могу тебе этого объяснить. Просто, когда я вижу сон, в нём всё такое же настоящее, как и здесь, поэтому кажется, что всё происходит на самом деле. Иногда я понимаю, что это сон, иногда нет. Никак не могу приспособиться, пока не разобралась, как именно их различать. Понимаешь, бывают такие сны, они совсем нереальные, в том смысле, что я почти сразу понимаю, что сплю, потому что там много сказочного и необычного, однако это не значит, что всё выглядит искусственным, даже наоборот, есть ощущение какой-то гиперреальности. А есть сны, похожие на обычную жизнь, и вот тогда возникают сложности. Всё вроде бы правильно, ничего сверхъестественного, и вот это-то как раз и обманывает больше всего. Такой сон сложно раскусить.

– Звучит как бред...

– Я знаю.

Он залпом допил виски, поставил стакан на стол, рассеянно покрутил.

– Как можно не понимать, что ты спишь? – спросил у него.

Я начинала злиться. Ну вот что, что тут сказать?! Как объяснить это состояние человеку, который ни разу в нём не оказывался? Если бы это случилось с ним хоть однажды, он бы не задавал такие глупые вопросы! Глупые, потому что задавать их кажется бесполезно. Это нужно пережить.

– А ты сам-то понимаешь? – выдавила я бессильно.

Артём задумался ненадолго, потом крикнул:

– Я вообще редко сны вижу.

– А вот я часто, каждую ночь и по многу, много разных!

Когда я там, то чувствую, что это случается прямо сейчас и именно со мной. И только когда просыпаюсь, осознаю, что ничего этого не было. Остаются только воспоминания. Но и эти воспоминания ничем не отличаются от обычных. Вот, например, ты. Как именно ты помнишь, что происходило с тобой вчера или неделю назад? Не очень ярко, не очень отчётливо, но помнишь же! Так же и я, не очень подробно, не каждую деталь, но я помню.

– Нужно, наверное, поискать симптомы в Интернете. Может, это как-то лечится?

– Да, наверное...

Я смотрела на свои нервно сжатые кулаки и понимала, что лечиться мне не очень-то и хочется. Однако проблему нужно как-то решать. Осознавать себя во сне – это одно, это может быть весело и интересно, но подозревать реальность в нереальности – это уже совсем другое дело, попахивает рас-

стройством психики, наверное... Просто теперь, куда бы я ни попала, нужно стараться вести себя естественно, а то, чего доброго, снова попадусь, и он упрячет меня в психушку...

Глава 7

Сегодня на океане шторм. Волны вздымаются в высоту человеческого роста, с грохотом разбиваются о камни. Дальние острова заволокло туманной дымкой, низкие тяжёлые тучи нависли над зловещим океаном. В ожидании ливня мы с Аланом убрали все лежаки, все подушки и матрасы и, слушая далёкие громовые раскаты, притихли за барной стойкой с чашками кофе.

– Сейчас что-то будет, – многообещающе прошептал Алан, глядя на горизонт.

– Ветер просто ужасный. Как бы крыши не поносило.

– Эти крыши ещё и не такое видали. Выдержат, не переживай.

– Думаешь? – беспокоилась я.

– Уверен.

– Я слышала на пляже, хозяйка какого-то геста жаловалась на то, что шторм когда-то почти полностью разрушил все её бунгало.

– Такие истории случаются, – кивнул Алан. – Всё зависит от качества строительства. Экономят на рабочих, получают в итоге карточные домики, а потом удивляются, почему они рушатся от ветра. Ваши бунгало выстроены как будто на века, ещё и вас самих переживут.

– Будем надеяться, – вздохнула я, опасливо косясь на гну-

щиеся от ветра пальмы.

Грохот волн почти полностью заглушал музыку. Одни туристы на берегу догоняли сорванные ветром шляпы и панамки, другие, наученные их опытом, придерживали свои руки. Краем глаза я видела, как большой пляжный зонт вывернуло наизнанку и трепало на ветру. Стало жутко. Успокаивая саму себя, я мотнула головой, усмехнулась и сказала почти весело:

– Разве это ветер? Вот на Нептуне ветер...

Чувство дежавю накрыло меня с головой, оглушило, вывело из строя. Я замолчала, растерянно моргая, вертя головой, будто стремясь найти в окружающей обстановке что-то, что могло бы стать причиной этому состоянию.

– Всё хорошо? – спросил Алан, обеспокоенно заглядывая мне в глаза.

– Да... Нет... Не знаю. Я просто подумала, что... Ладно, не бери в голову.

– Так что там про Нептун?

– Нептун – это планета Солнечной системы, – продолжала я, рассеянно озираясь по сторонам, – и на нём просто ужасные ветры. Они дуют со скоростью две тысячи километров в час, – внутри меня нарастало страшное чувство. Щемящая тоска, боль, предчувствие чего-то кошмарного. – Дуют и дуют, и никогда не прекращаются, – бормотала я, вцепившись ногтями в барную стойку, – вечный грандиозный шторм.

Выдохнув последнюю фразу, я замолчала не в силах до-

бавить ни слова. Горло сдавило так, что я не смогла бы протолкнуть сквозь него ни звука. Страшное предчувствие переросло в настоящую панику. Тяжело дыша, я смотрела на чернеющий океан, одновременно раскапывая внутри себя хоть что-то, что помогло бы мне уловить причину моего состояния, надеясь зацепиться хоть за какую-нибудь ниточку. Ничего. Только бескрайняя, как океан, бездна необъяснимого страха.

– С тобой точно всё в порядке?

Я подняла на него полные отчаяния глаза.

– Нет, Алан. Со мной не всё в порядке. Я, кажется, схожу с ума.

– Всего-то? – ухмыльнулся он.

– Это не самое главное, – просипела я, продолжая озираться по сторонам. – Понимаешь, с ума можно сходить по-разному. Можно весело и интересно, вытворяя всякую призрачную сумасшедшим ерунду, ходить голым по парку, например, или играть в догонялки с собственной тенью. А можно так, как я. Не могу даже вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя спокойной. Не счастливой, но хотя бы спокойной.

жить в постоянном страхе, терзаться странными чувствами. Блуждать по чёрным коридорам воспоминаний, спотыкаясь о свои собственные неожиданные и от того ужасные мысли. Хотеть изменить и прошлое, и настоящее, но понимать, что это невозможно. Я устала, смертельно

устала. Бегу сама от себя, пытаюсь заткнуть зияющую дыру в своём сознании, заполнить пустоту в сердце, занимаю себя какими-то делами, но ни в чём не могу найти утешения

– Этот отель, это всё, – я широким жестом обвела свои владения, – всего лишь моя очередная неудачная попытка наполнить свою жизнь хоть каким-нибудь смыслом.

– Разве такая уж неудачная попытка? – спросил Алан, легонько потрепав моё плечо. – По-моему, ты прекрасно справляешься.

– Да речь не о том, что я плохо справляюсь, я говорю о том, что это не приносит мне удовлетворения. Делать всё хорошо – это всего лишь привычка. Если я берусь за что-то, то непременно выкладываюсь на все сто процентов...

Очередная волна дежавю заставила меня вжаться в кресло. Чувствуя себя беспомощной и уязвимой, я закрыла глаза руками, пережидая, пока стихнет это всепоглощающее чувство.

Океан разбушевался не на шутку. Волны стали просто огромными, высокими, стремились дотянуться до нас, но с размаху налетая на камни, могли лишь в ярости разбрасывать брызги и пену.

– Ты привыкнешь, – сказал Алан, напряжённо глядя вдаль.

– Я даже не знаю, хочу ли я привыкать. Понимаю, что это единственный выход, раз не остаётся ничего другого, но

именно поэтому, скорее даже подсознательно, сопротивляюсь. Я привыкла считать себя свободной, и мысли о том, что моя жизнь больше не принадлежит мне... Это невыносимо, Алан.

– Твоя жизнь принадлежит только тебе и никому другому.

– Нет. Уже нет. Я ведь не могу проживать её так, как считаю нужным. И это значит, что она уже не моя, она теперь принадлежит незнакомой мне женщине, а я, как ни стараюсь, не могу стать ею, не могу принять её условия и её желания. И именно это сводит меня с ума. Медленно, мучительно, издевательски сводит с ума. Хочется иногда только одного – сдохнуть.

– Сдохнуть?

– Просто перестать существовать.

– Ну ты даёшь, Лу. Живёшь в раю и хочешь сдохнуть. Вечно нас, людей, что-то не устраивает.

– Любое место, которое мы не можем покинуть по своей воле, есть ад. А в аду смерть – наименьшее из всех зол. Будешь спорить?

– Не буду.

– То-то и оно.

Я что-то совсем приуныла. Обхватив колени медленно раскачивалась в кресле, как в трансе, погружалась всё глубже в чувство безысходности.

– Может, мне просто сбежать? – осенила вдруг меня печальная мысль. – Поселиться в какой-нибудь глухой деревне

с местными? Пасти вместе с ними скот на полях?

– Не вариант, – сморщился Алан, подумав.

– Почему?

– Белая женщина здесь в диковинку, а языки у местных длинные. Слухи распространяются быстрее радиоволны. Стоит Артёму объявить награду хотя бы в тысячу долларов, и тебя доставят к нему максимум через три дня. Здесь это средняя годовая зарплата, конечно, они порвут себе задницы, выискивая тебя. А если награда будет в десять тысяч? Сбежав утром, вечером ты будешь снова сидеть на этом же стуле.

Вряд ли, конечно, на стуле. В лучшем случае запрет меня где-нибудь...

в подвале

В подвале?

– У нас же здесь нет подвалов? – спросила я рассеянно.

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

– Да так... не знаю...

Глава 8

Я умирала много раз разными способами и теперь не боюсь смерти. Просто если дело доходит до чего-то ужасного, не позволяю мучить себя слишком сильно, потому что ощущения предельно реалистичны. Всегда оказывается какой-то способ проснуться побыстрее, чтобы не испытывать страха и боли. Например, выпрыгнуть в окно, пронестись сквозь облако странной золотистой пылицы, раствориться в ней и оказаться в своей кровати. Прервать страшный сон.

Этому меня научил он.

Я убегала от кого-то. По лестнице, выше, выше, перепрыгивая через несколько ступеней сразу, задыхаясь, ускоряясь, на пределе сил. Дверь. Крыша. Всё. Бежать больше некуда.

Я подхожу к краю. Где-то далеко под ногами, в недостижимой глубине тёмный город и огни, миллионы огней. Фонари, окна, неоновые вывески магазинов и баров, фары редких в этот час автомобилей, и всё такое крошечное, муравьиное. Свежий ветер треплет волосы, сердце грохочет, лёгкие работают на пределе, стараясь компенсировать затраченный при беге кислород. Через минуту они будут здесь, я это знаю, с ужасом смотрю в пропасть под ногами. Что же делать?

– Привет, – слышу я и тут же спиной чувствую твёрдую грудь, его дыхание возле уха. Узнаю моментально.

– Привет, – отвечаю растерянно, обрадованно и тут же спохватываюсь. – Ты? Но как?!

– Подойдём поближе, – шепчет Эхо, и моя нога, подталкиваемая его осторожной, но неумолимой ногой, шагает к самому краю. – И ещё шажок...

Не дыша, смотрю на мыски своих туфель. Они нависают над пропастью. Под ними проплывают облака, размывают свет далёких городских огней.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я.

– Я здесь, чтобы ты не боялась

– Да? – спрашиваю я, потрясённо рассматривая крошечные автомобили, и вдруг до меня доходит: – Так я сплю!

Боже! Ну конечно! Я просто сплю! Он ведь только во снах ко мне и приходит! Я никогда не вижу его достаточно чётко, а сейчас он вообще за моей спиной, но как же мне знакомо ощущение его присутствия! Тёплое обволакивающее ощущение полнейшей безопасности, чувство, которое только во сне и можно испытать.

– Ты ведь меня помнишь? – спрашивает он.

Что такое моя память? Огромный пыльный архив, залежи забытых фактов, песчинки событий в барханах времён. Бескрайняя пустыня, в которой оживают призраки прошлого. И это я их оживляю, они становятся тем, о чём я когда-либо мечтала, чего боялась, на что надеялась, каждая мало-мальски значимая мысль или эмоция здесь обретает форму. Конечно, я его помню, но не как человека, а как ощущение.

– Чей ты призрак? – спрашиваю тихо, прижимаясь затылком к его щеке.

Он долго молчит. Чувствую его тёплое дыхание возле уха и даже, кажется, его бьющееся сердце. Знаю, что уже спрашивала его об этом, может, тысячу раз. Знаю, что и в этот раз не ответит. Знаю, что по какой-то причине эту загадку я должна разгадать сама.

Вид ночного города, раскинувшегося у ног, просто завораживает, гипнотизирует. Какой это этаж? Может быть, сотый. С такой высоты мне доводилось смотреть только из иллюминатора взлетающего самолёта. Светящиеся змейки дорог, светящиеся муравейники человеческих жилищ и непроглядная темнота на подступах к городу. Так стоять можно бесконечно. Если бы мне предложили провести остаток моей жизни на этой крыше, в его объятиях, я бы с радостью согласилась, но

БАМ! БАМ! БАМ! – грохочет дверь под напором разъярённых ударов. Они уже здесь. Я рефлекторно сжимаюсь, но тут же беру себя в руки. Всего лишь сон, не так ли?

– Знаешь, что будет дальше? – спрашивает Эхо, прижимая меня к себе бесконечно бережно.

– Что же? – пытаюсь обернуться, чтобы посмотреть на него, но вдруг всё понимаю.

И в тот момент, когда глаза мои расширяются от ужаса, он крепко обхватывает меня под рёбра, приподнимает и вместе со мной шагает в пропасть. Я хочу кричать, но не могу, дав-

люсь воздухом, горло сводит, страшно кружится голова, нет это не голова кружится – это нас переворачивает в воздухе. Мимо проносятся светящиеся окна, ветер свистит в ушах, гул всё нарастает, асфальтированная дорога приближается со скоростью звука...

– Закрой глаза, – слышу его близкий голос.

И зажмуриваюсь в ужасе

Полёт продолжается вечно. Я уже давным-давно должна была разбиться насмерть, но я всё лечу и лечу в кружащейся засасывающей бездне. Наверное, я уже умерла, но почему тогда я продолжаю чувствовать? Свои руки, ноги, свои сжатые от ужаса челюсти. Его руки, вокруг моего тела. «Только не отпускай, не отпускай меня!» – мысленно умоляю, догадываясь, зная, что только он каким-то образом всё ещё связывает меня с жизнью. Но, вопреки всем моим безмолвным стенаниям, его руки разжимаются, и я теряюсь в головокружительной черноте.

Очень знакомое ощущение. Не полёт – растворение, тела больше нет, я стала пространством. Сейчас! Пусть я его потеряла, но сейчас я должна думать о том, где хочу оказаться. Рядом с ним! Пожалуйста! Где бы он ни был!..

По-прежнему ничего не вижу, но то, что я теперь собой представляю, трансформируется в огромную вращающуюся воронку, вся вселенная вибрирует вместе с ней, и через мгновение меня выносит в знакомом месте.

Водопад. Полосатый гигант в небе. Золотая пыльца под

ногами. Чувствую на себе его выжидательный взгляд и наконец дышу.

– Ты меня отпустил! – фыркаю, падая на землю.

– Я был рядом. Я всегда рядом, не моя вина, что ты не можешь чувствовать меня постоянно.

– Ты сбросил меня с крыши! – продолжаю я атаку.

Мне просто очень нужно выплеснуть на кого-то бушующий в крови адреналин.

– Ну да, – Эхо опускается на землю рядом со мной и треплет меня за коленку, – и что же произошло?

Ух, задала бы я ему жару, окажись я в любом другом месте, кроме этого, но я здесь, а здесь, как обычно, не чувствуешь ничего, кроме невероятного облегчения. Благодарности. Счастья. Все тревоги и волнения тут же тонут в омуте бесконечного покоя, который я всегда испытываю в его присутствии.

– Это было страшно, – говорю примирительно, – и здорово.

Рот мой непроизвольно расплывается в улыбке, и я бросаюсь на него с объятиями. Через минуту я уже обнимаю свою подошедшую кошку, а он какого-то другого зверя, мы катаемся по земле, хохоча и играясь с местной живностью. Спустя какое-то время под сенью раскидистого дерева он будет учить меня:

– Когда опасность близка, когда всё против тебя и некуда бежать, просто вспомни, что всё это не по-настоящему. Ты

всегда должна уметь отличать реальность от сна.

Знал бы он, как это сложно! Ведь всё так реально, пока не заканчивается!

– Но как? – спрашиваю я с отчаянием в голосе. – Когда снов так много и в них путаешься!

Прежде чем ответить на мой вопрос, он заставляет меня закрыть глаза и прислушаться к своим ощущениям.

– Что ты чувствуешь сейчас? – спрашивает.

Я бы не взялась описывать своё состояние, ведь в человеческом языке просто не найдётся подходящих слов, хотя бы потому, что будучи человеком невозможно испытать нечто подобное. Человеческая грудь всегда сдавлена невидимыми оковами тревоги, человеческое сердце всегда беспокоится, человеческое тело всегда в чём-то остро нуждается. Но вот сейчас я вроде бы человек, но совершенно иной. Наверное, только боги и могут себя так чувствовать, зная, что без их ведома ничего не произойдёт, зная, что случаться будет только то, что они сами захотят. Ни тени беспокойства, ни грамма тревоги, только всепоглощающее блаженное ощущение бесконечной правильности происходящего. Покой. Умиротворение. Именно это я пытаюсь ему объяснить, и хоть получается у меня кривовато, он всё же меня понимает, о чём свидетельствует его довольная улыбка.

– Да. Запомни это ощущение, вбей его в самую сердцевину, в самую основу своей памяти. Держи в голове одно – настоящая реальность никогда не представляет опасности. Она

прекрасна, потому что она всегда за тебя, всегда нацелена на то, чтобы ты была счастлива, и не только ты, а всё вокруг. В ней нет ни одной опасности, в ней отсутствует само это понятие, потому что настоящая реальность – это всевозможность, а всевозможность щедра. Она разумна, всесильна, и её цель – делать счастливыми всех, до кого она может дотянуться, всех, кто в ней обитает. Это её смысл жизни. Если тебе что-то угрожает, значит, ты кому-то мешаешь и, значит, это не реальность, потому что в ней достаточно всего и для всех. Видишь, реальность вычислить очень просто, а всё остальное – лишь сны и игры разума. Тебе решать, хочешь ли ты играть в эти игры.

– Здесь нет ни одной опасности, – говорю я, – и здесь я счастлива. Но ведь это не реальность, это ведь сон.

– Я не буду с тобой спорить, скажу только, что это место принадлежит тебе. Это твой мир.

– Что?

– Ты выпросила себе его, он твой.

– У кого выпросила?

– У себя.

– Как я могла это сделать?

– Так творятся миры.

– Но...

Сонно моргая, я пыталась сфокусировать взгляд на Артёме.

– Милая, уже десятый час, – бормотал он, комкая в пальцах краешек моего сползшего пледа, будто не зная, поправить или стянуть его с меня совсем. – Ты весь вечер проспала.

Не хотелось просыпаться, до смерти хотелось вернуться обратно.

– Отстань, – прошипела я, кутаясь в плед, – спать хочу.

– Хотя бы переберись в бунгало. Не будешь же ты ночевать в ресторане?

– Боже, оставь меня в покое...

– Я отнесу тебя.

Мерно покачиваясь у него на руках, я испытывала одновременно и благодарность за заботу, и ненависть за неё же.

– Что ты теперь ночью будешь делать? – вздыхал Артём.

– Спать, – зевнула я.

– И куда в тебя столько лезет?

– Не знаю.

– Нет, правда. Ты спишь очень много, и ночью и днём. Что с тобой? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Во сне прекрасно.

потому что там нет тебя

– Наверное, нужно показать тебя врачу, это не совсем нормально...

Глава 9

Сажу в ресторане, в отдельной кабинке, напротив Артём. Говорит мне что-то, пока я рассеянно оглядываюсь.

– Ты что, оглохла? – щёлкает пальцами перед моим лицом.

– А? – поворачиваюсь к нему.

– Я спрашиваю, что насчёт Питера? Когда ты планируешь ехать?

Из соседних кабинок доносятся разговоры, размеренный стук приборов.

– Я не планирую.

– Ты сдурела? – он даже приподнимается. – Мы месяц готовились!

Боже, что я тут делаю? О чём мы вообще? И только я открываю рот, чтобы потребовать объяснений, как вдруг всё понимаю.

– Я пошутила, просто пошутила, – поднимаю руки. – Поеду на следующей неделе, устраивает?

Всё сходится, я опять просто сплю. Нужно вести себя естественно, пока не разобралась, в чём тут дело. Он качает головой:

– Дурацкие шутки у тебя. Ладно, ближе к делу. Денис найдёт тебе квартиру поближе к офису, двушку, как обычно?

Кажется, обсуждаем какие-то дела, ладно, подыграю.

– Да, хорошо.

– Руслан уже почти подготовил все необходимые документы, диплом только остался, там какие-то проволочки с третьей стороны, но обещали до конца недели всё уладить. Паспорт, права и всё остальное уже у меня в сейфе, завезу завтра. Или сама приедешь, кстати, может, мы завтра вместе и пообедаем по этому поводу?

– Ладно.

Он бросает на меня подозрительный взгляд, и я чувствую, что не должна была так легко и быстро соглашаться, что он и подтверждает:

– Ты какая-то странная.

– Не обращай внимания.

– Ты меня слушаешь вообще?

– Честно говоря, не очень, – мямлю невнятно.

– Перед кем я вообще тут распинаюсь? – возмущается он. – В каких облаках ты опять витаешь?

– Пожалуйста, успокойся, всё хорошо. Просто мы... понимаешь...

– Что?

Интересно, как отреагирует? Неужели собственный муж на меня тоже накинется?

– Мы в моём сне, – решаю я рискнуть и, пока его бровь удивлённо ползёт вверх, добавляю проникновенно: – так бывает.

Он какое-то время смотрит на меня, как на идиотку, по-

том его рот растягивается в усталом зевке:

– Милая, не до шуток сейчас.

Но я почему-то чувствую уверенность, и меня несёт дальше:

– Я точно знаю, что сплю. И ты мне сейчас просто снишься, но как бы я ни старалась тебе это объяснить, ты мне не поверишь.

– Чего ты городишь, чудо в перьях? – он лезет во внутренний карман пиджака, достаёт сигареты и оглядывает стол в поисках зажигалки. – Опять начиталась какой-то дряни?

– Если бы, – развожу я руками. – Оно всё само так получается. Иногда, когда я вижу сон, то понимаю, что всё, что вокруг меня, это действительно просто сон.

– По-твоему, я ненастоящий?

– Мне всё равно, считай себя каким хочешь.

Он поджигает сигарету, отгоняет дым от лица.

– Вот как раз это твоё нежелание пререкаться и настораживает, причём здорово. Ты же любитель спорить до пахových грюж, лишь бы доказать свою правоту!

– Зачем мне пытаться переспорить себя же? Ведь ты, – тычу пальцем ему в грудь, – всего лишь проекция моего подсознания во сне. Вас таких много, вы каждый раз разные, и каждый раз мне не верите. Начинаете спорить, агрессивировать, иногда и до драк доходит. Поэтому теперь я занимаю нейтральную позицию. Ничего никому не доказываю и вообще никак не выделяюсь, чтобы не привлекать внимания.

– Дожили, – строит он гримасу. – Сначала мы все были роботами и жили в виртуальности, теперь она говорит, что я вообще не настоящий! А если я двину тебе по уху, больно тебе будет тоже не по-настоящему?

– Да, пожалуйста, бей. Испугаешь меня слишком сильно, и я проснусь.

– Проснёшься, значит?

– Ага.

– А с чего ты вообще взяла, что спишь?

– Ну... я просто знаю, что такое реальность.

– И что же это?

– Так я тебе и сказала!

– Почему бы и нет?

– Не хочу, чтобы в неё пробрались такие, как ты. Ты ведь моя проекция, значит, если я тебе скажу, ты будешь знать то же, что и я.

– Так можно никому не верить.

– Можно.

– Можно остаться совсем одной.

– Нет, потому что моя реальность имеет одну особенность. В ней есть кто-то очень для меня ценный, он изначально был в этом мире, как неотъемлемая его часть. Он никуда оттуда не денется.

– И кто он?

– Я часто спрашивала у него кто он такой, но вместо чётких ответов получала лишь потоки разнообразных историй

о том, через что нам пришлось пройти, чтобы оказаться в этом месте и почему мы теперь так сильно друг друга ценим.

– Твоя шизофрения приобрела нешуточный размах, милая, – заключает он снисходительно.

– Ладно, – я собираю салфетку с коленей и поднимаюсь, – спасибо за допрос. Я получила много ценной информации. Не смотри на меня так, пожалуйста, не подействует. Тебе могло казаться, будто это ты задаёшь мне вопросы, но на самом деле это я сама себя допрашивала, наверное, для того, чтобы лучше в себе разобраться. Всё просто. Обычно люди не так внимательны друг к другу, обычно им плевать. Сон от реальности отличить очень просто. Если кто-то начинает тебя хорошенько донимать своими излишне подробными расспросами, будь уверен – это проекция твоего подсознания. Твоё подсознание пытается разобраться в себе же и создаёт ситуации, в которых одна его часть детально изучает другую. И кстати, ни в какой Питер я не еду, спасибо за обед.

Я вышла из кабинки под его испепеляющим взглядом.

А проснувшись, задумалась. Как странно. Я объясняла Артёму, что такое реальность, но если учесть тот факт, что во сне я всегда разговариваю сама с собой, получается, я объясняла себе, что реальность – это мир под большой полосатой планетой. И как это понимать?

Глава 10

Время здесь измеряется не часами, а количеством полученных эмоций. Часы здесь не тикают. Зачем они? Всё происходит сейчас. Всё, что ты только захочешь, реализуется моментально. Не нужно три часа и пятнадцать километров идти по земле, чтобы попасть в нужное место, ты просто попадаешь туда, куда хочешь и находишься там столько, сколько считаешь нужным

Эхо говорит, что именно поэтому важно точно знать, чего ты хочешь, потому что произойти может что угодно, всё, что только пожелаешь. Нужно уметь контролировать свои мысли, потому что здесь они тут же становятся реальностью. А это ответственность. Нельзя находиться здесь в злобном или подавленном состоянии, и вся прелесть в том, что такие состояния, кажется, и не возникают, когда находишься здесь. Но ты можешь принести их с собой, и тогда этот мир становится другим. Мрачным, чуждым, воинственно настроенным. Тучи заволакивают небо, отрезают от нас полосатую планету, начинают мелькать разветвлённые молнии. Поднимается ветер, гудит между скал, выхватывает комья пены из подножия водопада, уныло приминает траву. Все звери прячутся в ожидании бури. Приходится закрывать глаза и брать себя в руки, забывая обо всём, что вызвало эти состояния агрессии и подавленности. И когда это получается, начина-

ются настоящие чудеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.